

“Оглянись назад...”

Андрей Фаниев

Черный
крест

на
белой
стене

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Фаниев

Черный крест на белой стене

«Автор»

2023

Фаниев А. В.

Черный крест на белой стене / А. В. Фаниев — «Автор», 2023

Первая мировая война в разгаре. Анна вновь перемещается в Екатеринодар в 1915 год, за старинными книгами для мужа. В случайно купленной газете «Кубанские ведомости», в списках, прибывших на лечение раненых, она встречает имя бывшего преступника в силу обстоятельств, вставшего на путь криминала, подпоручика Петра Богуславского, в которого была влюблена во время первого путешествия в прошлое. Узнав, что Петр находится в критическом состоянии, Анна решает его спасти, прибегнув к помощи современной фармакологии и, он быстро идет на поправку. В это же время Кубанское жандармское управление задерживает в Новороссийске австрийского шпиона, сообщившего о предстоящей диверсии в порту. Для выявления агентурной сети необходим офицер, преданный России и, не вызывающий подозрения у вражеской разведки, охотно вербующей уголовников. Петру предлагают внедриться под видом беглого каторжника. Он соглашается и просит Анну поехать с ним в Новороссийск для спасения города....

© Фаниев А. В., 2023

© Автор, 2023

Андрей Фаниев

Черный крест на белой стене

Краснодар

лето 2015 года

– Сейчас в самые пробки попадём! – раздражённо вздохнула Анна, нервно постукивая свежим маникюром по рулевому колесу. Они собрались на шашлыки, к друзьям, которые решили отметить первый юбилей свадьбы на базе отдыха. Наконец, дверь ветеринарной клиники с забавным названием «Четыре лапы» распахнулась. На пороге, весело помахивая портфелем, появился Костя. Анна завела двигатель, медленно выехала со двора и, пропустив мусоровоз, влилась в поток автомобилей.

– Давай через Яблоновский мост – сказал Костя, включив навигатор – пока соберутся, разожгут костёр... в конце концов, сейчас все из города едут!

Раздражение прошло. – Что так долго? – поинтересовалась девушка.

Костя вдруг посерьезнел: – Ты знаешь, шеф хочет направить меня на переподготовку в Москву. Там на базе Скрябинской академии курс лекций «Лечение экзотических животных».

– А что, жирафы чихают по-другому? – усмехнулась Анна, ловко обогнав грузовик с металлоломом, – или у игуан живот не так болит?

– Определенные нюансы имеются – ответил Костя – вот например ты знаешь, как поставить капельницу черепахе? Её переворачивают вниз головой, чтобы внутренние органы сместились подальше от места инъекции. А куда колоть змею?

– Куда угодно! – рассмеялась Анна, – она как одна сплошная вена!

– Не скажи, – он помотал головой, – витамины колют в последнюю треть тела, а антибиотики в первую треть, подальше от печени.

– Это прекрасно! Конечно, поезжай, вернёшься настоящим Айболитом!

– Ты зря иронизируешь! Сейчас вошло в моду держать всякую заморскую живность, а специалистов нет. Недавно один тип завёл северного оленя, а у него рога плохо растут. Он к нам приехал. Мы гору литературы перелопатили, с Новосибирском созванивались, там не знают. Позвонили в Салехард и они подсказали замерить уровень тестостерона.

– Конечно, между тестостероном и рогами прямая связь – хмыкнула Анна.

– Вот именно! У коров рога это часть черепа, а у оленя иначе! Они растут только у самцов, и размер зависит от его уровня. Когда он падает, то и они уменьшаются. У кастрированного оленя рога прекращают расти – он вздохнул – олень это тебе не КРС¹, хотя их разведение тоже отрасль животноводства.

– Езжай – кивнула она.

Костя неожиданно замялся: – Понимаешь, это не трехдневная конференция, там срок обучения месяц, но зато по окончании выдают сертификат.

– Месяц конечно многовато – вздохнула Анна, – мы же на Туретчину собирались. Ты сильно хочешь поехать?

– Да, – твёрдо ответил Костя – это очень перспективное направление. На край пришло два места. Едет врач из Сочи... и, – он искоса взглянул на девушку, – предложили мне. Мы путёвки ещё не оплатили, завтра я заеду в турбюро и попрошу перенести дату, думаю, проблем не будет. Ты у себя на фирме решишь вопрос?

– Скорее да, чем нет, – показав поворот, она перестроилась в левый ряд, – основной отпуск менять не буду, а потом возьму неделю за свой счёт. Летом у нас тихо. Врач из Сочи, надеюсь мужчина?

– Мужчина, – кивнул Костя, – и, причём непьющий, у него что-то с почками. Так я звоню шефу что еду?

– Звони, а когда вылетать?

– Через пять дней, – ответил он, набирая номер: – Палыч, Это Константин. Я поеду. Нет-нет, форс-мажоров не будет! Завтра с утра забронирую билеты. До свидания.

Дав отбой, он обернулся к Анне: – У него как раз через месяц юбилей. Похожу по книжным развалам, может, найду старые книги по ветеринарии, он от них фанатеет!

На следующий день они составили список и начали постепенно собирать вещи.

– Месяц это не один день – задумчиво сказала Анна, перечитывая список – тебе баллончика геля для бритья насколько хватает?

Он потёр подбородок и задумался: – Где-то на месяц, даже чуть больше.

– Значит, в дорогу купишь новый, а старый оставишь дома.

За два дня до отлёта Анна, войдя на кухню, увидела Костю сидящего за ноутбуком и что-то сосредоточенно выписывающего в блокнот.

– Это адреса публичных домов? – с усмешкой поинтересовалась она.

– Это адреса букинистических магазинов – не приняв шутку, ответил Костя, выписывая новый адрес.

– Без книги обратной дороги нет?

– Понимаешь, вся фишка в том, что через пару месяцев после моего возвращения, освобождается место заведующего клиникой. Я один из первых кандидатов, но хотелось бы как-то позиции укрепить. Ещё по антикварным надо пройтись. Когда на даче были, он в разговоре пожалился, что полка над камином у него голая! Мечтает о парных подсвечниках или каминных часах.

– Не плохие запросы у твоего Палыча, – покачала головой Анна – красиво жить не запретишь!

– Это точно – вздохнул он, – их богатых не поймёшь.

Проводив Костю Анна, погуляла с собакой и, сварив кофе, включила телевизор, но через несколько минут выключила.

– Сотня каналов, а смотреть нечего! – раздражённо подумала она и бесцельно прошлась по квартире. Заняться было нечем. Одиночество угнетало, Анна взяла книгу, но в голову ничего не лезло. Вдруг, за окном неожиданно потемнело, зашумела листва и по подоконнику застучали крупные капли дождя.

– Какое настроение, такая и погода, – грустно вздохнула она и, выглянув, некоторое время наблюдала за потоками воды и одинокими прохожими, которые, не ожидая гадостей от природы, были без зонтов. Анна немного поглазела на образовавшийся под водосточной трубой, ручей. Поток воды, набиравший силу с каждой минутой, собирая по пути мелкий мусор, и на ходу закручиваясь мелкими воронками, стремительно мчался в канализационную решётку. Чтобы как-то убить время, она решила разобрать свою бижутерию. Достав резную деревянную шкатулку, подаренную когда-то одним из поклонников, служившим в ИТК неподалёку от города, Анна начала неторопливо доставать по одному украшению и вспоминать их историю: – Вот эту брошь в виде зеленоглазой стрекозы мне подарил одноклассник, кажется на 8 марта, а вот эту позолоченную корзиночку с камнями я привезла из Перми.

Закрыв глаза, она наугад вытащила кольцо и улыбнулась: – Это чешская бижутерия, модная ещё в СССР. Когда я была маленькой, мне оно очень нравилось, и бабушка подарила его на выпускной – с лёгкой грустью вспомнила она, решив, что завтра купит торт и обязательно заедет её проведать. Неожиданно за окном громыхнуло, и в комнате погасло освещение. Настроение испортилось окончательно, Анна встала и вышла на кухню за фонариком.

– Сейчас заварю чай, сяду на диван и залезу в Инстаграмм – решила девушка. Из окна падал блёклый свет, тускнеющий с каждой минутой. Взяв кружку, она направилась в комнату и замерла на пороге. Из раскрытой шкатулки струилось призрачное красноватое сияние. – Это

кулон! – сразу поняла Анна и отчего-то по спине пробежала ледяная волна. Девушка протянула руку и медленно вытянула его из шкатулки. Свечение исчезло, «портал в прошлое» мирно покачивался, тускло отблёскивая в темноте.

– Это падал свет из окна, а мне почудилось какое-то свечение. Улыбнувшись своим страхам, девушка села на диван, и закрыв глаза, стала вспоминать свои приключения в Екатеринодаре в 1912 году. Как из тумана, в памяти возникли хорошо знакомые улицы, только не те, по которым она гуляла в детстве, а старого города, который остался на почтовых открытках, чёрно-белых фотографиях и редких кадрах кинохроники. Там не было машин, и никто никуда не бежал. В том городе по улицам неторопливо катились экипажи, и дамы в красивых платьях чинно прогуливались под руку с элегантными кавалерами. Она вспомнила Петра, Артура Валерьяновича и печально вздохнув, улыбнулась. В памяти всплыл высокий подтянутый чиновник в мундире военного врача. Это прапрадедушка Кости – коллежский асессор Василий Владимирович Белолипецкий – вспомнила Анна и, почему-то перед глазами вдруг возникли книжный магазин, пивная Яцкевича и ресторан Бадурова. Затем, она увидела себя сверху за столом в ресторане, напротив сидел Пётр. – «Кафе де Пари» – название услужливо всплыло в памяти. Он держал её за руку и, глядя в глаза, что-то говорил. Память понесла её дальше, вот она лежит в ванной, а на пороге стоит Пётр, обмотанный простынёй, с подносом в руках, на котором в окружении фруктов и шоколада бесстыдно торчит бутылка шампанского. – А что мы пили? – подумала она – «Абрау» или «Клико».....?

Анна открыла глаза и сразу их зажмурила. Настольная лампа светила прямо в лицо. – Свет дали – и, взглянув на часы, удивлённо покачала головой: – Однако..., почти два часа продремала.

Она подошла к шкатулке и положила в него кулон, который улёгся среди других безделушек. – Лежи смирно, – погрозила ему Анна и стала разбирать постель.

Утром девушка решила заехать на офис, чтобы заранее решить вопрос о недельном отпуске за свой счёт. Сойдя с трамвая и перейдя на теньевую сторону, она не торопясь шла по улице, вспоминая вчерашнее происшествие и неожиданно поняла, что ей неудержимо хочется вернуться в прошлое хотя бы на мгновение.

– Не будь идиоткой – одёрнула она себя, – тебе мало того что было? Одна ночь в морге чего стоит! Слава Богу, что всё хорошо закончилось!

Вдруг в голове раздался вкрадчивый голос: – Но ведь ты не собираешься лезть в криминал? Ты только один раз перенесёшься в Екатеринодар, купишь подарки для Палыча и назад! Никто ничего не узнает! Туда и обратно!

– Не узнает! – хмыкнула про себя Анна – а вдруг встречу кого-нибудь? Что тогда? Опять голову проломают? Нет уж спасибо!

Но голос рассудительно произнёс, – вероятность практически равно нулю! Смени имидж. Тогда ты была мещанкой, а сейчас можно примерить образ светской дамы, а если ещё наложить лёгкий макияж и надеть шляпку с вуалью.... Ехать надо конечно, не на трамвае, а сразу взять извозчика.

Анна возразила голосу или самой себе, – до извозчика ещё дойти мимо дома, где Фрол живёт надо. Его-то может и не быть, а мать наверняка будет во дворе ковыряться.

Голос невозмутимо ответил: – Вот ещё! Можно подумать прям-таки самая серьезная проблема! С кладбища выйдешь не на Таманскую, а пройдёшь через Сады! Вспомни, что говорил Пётр, когда ты от них за могилкой пряталась.

Когда он произнёс это имя, по её телу вдруг стало растекаться тепло, которое неожиданно переросло в приятную истому. Анна встряхнула головой, и чтобы избавиться от наваждения, вытащила из сумки воду и жадно сделала несколько глотков.

– Это мой скелет в шкафу и до него никому нет дела, – подумала она, но голос не унимался. Коротко хохотнув, он с сарказмом ответил, – конечно, нет! Тем более что твой скелет

уже давно превратился в прах, и ни в каком шкафу его нет. Вероятнее всего, он истлел где-то в Южной Америке. Его брат, кажется, оттуда приехал, чтобы отдать его часть наследства.

Немного помолчав, голос задушевно промурчал, – тебе надо Косте помочь! Может быть, книга или сувенир из прошлого будут той самой маленькой капелькой перевесившей весы на его сторону! Он один из первых кандидатов, значит, есть конкуренты, которые предпримут все меры, чтобы занять это место!

– А его деловые качества уже ничего не значат? – парировала Анна.

– Значат, – согласился голос, – только у остальных претендентов они тоже имеются. Позиции надо готовить заранее и постоянно укреплять. И потом, ответ себе честно! Хочется в Екатеринодар? Да! Повод есть? Есть! Ты же туда не развлекаться собралась, а помочь Косте получить должность, которой он достоин и давно добивался!

– А если он купит в Москве книги и каминную бронзу? – сделала она ещё одну робкую попытку.

– Пусть купит, а это будет сюрприз! Будет знать, как ты за него беспокоишься, любому мужчине это приятно. Книги и антиквариат – не колбаса. Чем старше, тем дороже! Кроме юбилея есть ещё сотня праздников! 23 февраля, Новый год, Рождество, День ветеринаров Кубани и просто день рождения! В конце концов, можно подарить просто так, без всякого повода! Кстати, ты в двух кварталах от театра.

Вздохнув, Анна решительно свернула, и достала телефон.

– Маришка, привет! Мимо тебя прохожу, кофеём напоишь?

Близкая знакомая, заведующая костюмерным цехом в драмтеатре, искренне обрадовалась и через пару минут она сидела в маленьком кабинете. После второй чашки Анна попросила, – выручай подруга. Шеф устраивает светский раут. Дай на денёк какое-нибудь платье начала века.

– Без проблем, хоть на два! – рассмеялась Маришка, – ты какой образ хочешь слепить?

– Что-нибудь серьёзное, и чтобы шляпка с вуалью была!

Маришка ненадолго задумалась: – Из «Трёх сестёр» пойдёт? Там в первом действии Ольга в синем учительском форменном платье женской гимназии, Маша в черном платье, со шляпкой, а Ирина в белом.

– Давай! Чёрное со шляпкой, глянем?

– А тебе идёт! – Маришка удовлетворённо покачала головой, – как влитое сидит! Хоть с директрисой разговаривай, чтобы ангажемент тебе предложила! Сейчас обувь посмотрю, у тебя 39-й?

Она вышла. Анна надела шляпку, подошла к зеркалу, внимательно оглядела себя со всех сторон и осталась довольна.

– И чего ты боялась? – зазвучал в голове предательский голос – совсем другая женщина! Купишь книгу, может даже не одну, на камин что-нибудь, и назад!

Дверь хлопнула и в зеркале появилась Маришка, держа в руках пару закрытых туфель на низком каблучке. Взглянув на Анну, она восхищённо щелкнула языком: – Слушай подруга! У тебя даже выражение лица изменилось! Ты реально перевоплотилась! Станиславский нервно курит за кулисами, а Мейерхольд с Вахтанговым на галёрке судорожно грызут ногти!

– Да ладно тебе, – смущённо засмеялась Анна – давай обувь примерим.

– Теперь рейд по антикварным лавкам, – решила Анна, выйдя из театра – бесплатно мне никто ничего не продаст!

Она купила бумажных банкнот и мелочи, внимательно следя, чтобы все деньги были выпущены, до 1915 года и направилась к трамвайной остановке. Сев на свободное место, Анна прислушалась к своим ощущениям, – голос молчал. – Добился своего, интриган – подумала девушка.

– Почему интриган? – неожиданно прозвучало в голове: – Ведь ты сама этого хотела в глубине души! Я только озвучил твои желания.

Дома Анна кинула театральный реквизит в стиральную машину и, взяв Арчика, направилась на прогулку. Увидев соседского пинчера, с которым перегавкивался с балкона, он завертел хвостом, который стал похож на маленький пропеллер и, повизгивая от радости, помчался к приятелю. Поговорив с хозяйкой о собачьих делах, девушка поднялась в квартиру, где уже вовсю яростно гудела центрифуга. Прогладив слегка влажную одежду и развесив её на плечиках, она пересчитала деньги для путешествия в прошлое.

– Сорок восемь рублей, семьдесят шесть копеек. В принципе должно хватить, – подумала она и, вдруг сообразила, что у неё нет никакой сумки или ридикюля подходящей к наряду. – Мещаночкой было проще – вздохнула Анна, – купила на рынке корзинку и никаких проблем. Ладно, на месте разберёмся, – решила девушка и, аккуратно сложив деньги, положила в карман платья рядом с запасной зажигалкой.

Утром, выпив только кофе и погуляв с собакой, она переоделась и, придирчиво оглядев себя в зеркало, осталась довольна. Положив Арчику корма и налив свежей воды, Анна вышла на кухню и, встав в центре, поднесла зажигалку к кулону.

Почувствовал лёгкое головокружение и знакомое покалывание в пальцах, весело бегущее вверх по руке, она прикрыла глаза и успела улыбнуться ещё в XXI веке.

Никаких особых перемен на кладбище она не увидела. – Те же кресты, кусты и надгробья, – подумала Анна и огляделась. Вокруг было тихо. Она вышла на центральную дорожку, направились в противоположную от ворот сторону. Выйдя по Петровскую², через несколько минут девушка уже была на Ставропольской и на перекрёстке, сразу увидела пролетку.

– Давай любезный в центр, на Екатерининскую³ – уверенно произнесла она.

– С нашим удовольствием, домчим как на крыльях, с ветерком! – улыбнулся мужик, – милости прошу барышня!

– Что возьмёшь?

– Целковый!

– Нет, не пойдёт – решительно сказала Анна – давай за полтинник?

– Барышня, Бога побойтесь! По нынешним временам, почитай задаром везу! Овёс эвон как в цене подскочил!

Сразу решив, что даст извозчику рубль, Анна продолжала торговаться. Ей хотелось проверить, не вызовет ли она подозрений.

– Только ради вашей красоты! 80 копеек! Меньше никак не можно! Хоть убейте!

– Уговорил речистый, – улыбнулась девушка и села в коляску.

Извозчик щёлкнул кнутом, конь всхрапнул и они покатали по Ставропольской. Анна с интересом оглядываясь по сторонам, обратила внимание на часто попадающихся людей в военной форме. На Карасунском канале⁴ кучер остановился, пропуская колонну солдат. Взрослые мужики в неуклюже топорщившейся форме, пели сильными голосами:-

Пусть свищут пули, льется кровь⁵,

Пусть смерть несут гранаты,

Мы смело рвемся на врага,

Мы – русские солдаты.

В нас дух отцов-богатырей

И дело наше право;

Сумеем честь мы отстоять

Иль умереть со славой.

Не плачь о нас, родная Русь!

Не надо слез, не надо!

Молись о павших и живых;

Молитва нам награда.

Извозчик тяжело вздохнул – хлеба скоро убирать, а их вишь, на фронт гонят, – и печально поджал губы.

Молоденький, безусый офицер, оглядывавший с коня строй, поравнявшись с фаэтоном, с вежливой улыбкой козырнул. Она улыбнулась в ответ и приветственно помахала рукой.

– Первая мировая война в самом разгаре! Вот откуда столько военных! Анна стала вспоминать события Великой войны, но после Брусиловского прорыва, Брестского мира, битвы при Марне и Верденской мясорубки память свой ресурс исчерпала.

– Что явилось поводом для развязывания войны? – строго, подражая учительскому тону, спросила она и сама себе ответила: – Убийство эрц-герцога Франца-Фердинанда в Сараево! Стрелял сербский националист Гаврило Принцип.

– Все равно стыдно девушка! – осуждающе подумала Анна, – все-таки истфак за плечами.

Она начала вспоминать, кто входил в Антанту и Тройственный союз и, не заметила, что впереди уже показалась улица Красная.

Протянув рубль и отказавшись от сдачи, чем очень обрадовала извозчика, она сразу направилась в книжный магазин Галладжианца. По своим прошлым путешествиям во времени Анна помнила, что он находился на месте современного «Дома книги».

– Здравствуйте – поздоровалась девушка, – у вас имеется литература по ветеринарии?

– Всенепременно, – степенно ответил пожилой продавец, похожий на университетского профессора – вот, извольте взглянуть, «Основы частной хирургии домашних животных» под редакцией магистра Шантыря. Пользуется большим спросом. Ещё имеем последний номер журнала «Ветеринарная жизнь», где хочу обратить ваше внимание на интересную статью Ветеринарного отдела Костромской Губернской Земской Управы.

Для приличия поцокав языком и перелистав несколько страниц, Анна попросила завернуть покупку: – Посоветуйте, где ещё можно посмотреть ветеринарные справочники?

– Загляните к Тусову. Это поблизости, на углу Соборной. Его приказчик намедни товар разгружал. У Когана вы вряд ли найдёте что-то серьёзное, – он пренебрежительно скривил губы – Александр Самсонович торгует развлекательной литературой. Ник Картер, Нат Пинкертон, сыщик Путилин...

Анна поблагодарила и направилась к Тусову, где купила «Ветеринарную школу домашнего скотоводства».

– Подскажите, пожалуйста, где можно приобрести хороший подсвечник и часы на камин? – спросила она, – я проездом в Екатеринодаре и совсем не знаю города.

– Вам надо в магазин Александро-Московского братства. Это недалеко, на Красной 83, – не задумываясь, ответил продавец. – Там выбор богатый и, цены умеренные. А часы в любом ювелирном! Пройдёте по Красной, увидите сами, их там несколько.

В магазине церковной утвари Анна растерялась на мгновение от обилия товара, но пройдя вдоль прилавков и полок, стала присматриваться и прицениваться. Ей сразу приглянулся канделябр на три свечи увитый виноградной лозой. – Три рубля штука, недорого! – подумала она и попросила, – дайте, пожалуйста пару!

– Сей секунд! – кивнул продавец и, обернувшись, крикнул куда-то в глубину магазина – Сёмка, неси два трикирия^б, которые с виноградами.

Раскрыв лежащий на прилавке блокнот, он взглянул на Анну: – Адресок, будьте любезны, сударыня, продиктуйте, куда приобретение ваше доставить?

– Я сразу на вокзал, – ответила она – сама заберу. Может, мешочек какой-нибудь продадите?

Продавец улыбнулся: – Мешками, сударыня не торгуем-с, а вот подарить, конечно, сможем! Что ж такой красавице не поτραфить?

Он порылся под прилавком и вытащил мешок из серого холста с надписью «Пасхальная пшеничная мука высший сортъ 10 фунтовъ». – Вот, милости прошу! И книжечки сюда поместятся!

Искренне поблагодарив, Анна вышла из магазина. – Осталось больше тридцати рублей, – подумала она. – Надо взять часы, и потратить с пользой остальные деньги!

Войдя в ювелирный, девушка сразу направилась к полке с часами. Взгляд сразу остановился на малахитовых каминных часах отделанных бронзой. За спиной раздалось тактичное покашливание. – Что вам показать сударыня? Часы?

– Да, вот эти, с бронзовой птицей!

– С орлом? – вежливо уточнил продавец – 28 рублей будут стоить.

– Можете не показывать, я их беру, – ответила Анна, – Палычу пусть дарит книги и подсвечники, а часы себе оставлю! – решила она.

Она достала деньги и отсчитала нужную сумму. Вдруг лицо мужчины страдальчески искривилось: – Сударыня! У этих часов нет упаковочной коробки, назовите адрес и их доставят вам незамедлительно!

– Не беспокойтесь! Я сама заберу, только заверните в бумагу! – и протянула деньги.

Выйдя на улицу, Анна огляделась по сторонам. Было около полудня. – А куда я собственно тороплюсь – подумала она, – до вечера, времени ещё вагон! Я сюда больше не вернусь. Жаль сглупила, надо было сначала погулять налегке, а потом покупки делать! Она решительно вернулась в магазин, – вы позволите оставить у вас покупку? Я пройду по магазинам, а на обратном пути заберу.

Продавец развёл руками, – сделайте одолжение! – и слегка помявшись, робко спросил, – надеюсь, там нет недозволенных вложений?

Анна непонимающе взглянула, и он пояснил, – революционной литературы или, к примеру, прокламаций. Сами понимаете, какие времена смутные!

– Нет, нет! Не извольте беспокоиться! – она раскрыла мешок, – там два подсвечника и книги по ветеринарии.

Он испуганно замахал руками: – Что вы сударыня! Как вы могли подумать! Простите Бога ради! Оставьте ваш багаж! Уверяю, он будет в полной сохранности!

Положив мешок под прилавок, Анна вышла и медленным шагом пошла по Красной.

– Поручик! – раздался позади резкий окрик, – почему не приветствуете старшего по званию? Какой части? Почему в таком виде?

Анна обернулась. Перед покрасневшим от праведного гнева полковником, навтыжку стоял офицер в помятом полевом френче, перекрещённом ремнями и в нечищенных, со сбитыми каблуками сапогах.

– XI армейского корпуса, 21-го сапёрного батальона, ротный командир поручик Красников.

– По какой необходимости прибыли в Екатеринодар? Где стоит ваша часть? – продолжал бушевать полковник. Стоявшая рядом супруга осуждающе смотрела на поручика.

– Под Перемышлем, на Юго-Западном фронте. Прибыл в отпуск после ранения на четыре месяца⁷. Только что с поезда, не успел привести себя в порядок. Виноват, ваше высокоблагородие!

– Вы Георгиевский кавалер? – полковник обратил внимание на длительный отпуск, – за что получили крест?

– Под огнём противника поднял роту во фланговую атаку, чем обеспечил наступление основных сил.

– Хорошо идите! Не забудьте отметить у военного коменданта, и приведите себя в порядок! Можете быть свободны!

Офицер коротко вскинул руку к козырьку, сделал пять строевых шагов и медленно пошёл дальше, приволакивая раненую ногу.

Полковник строго посмотрел ему вслед и обернулся к спутнице, – эти фронтовики, Липочка, совсем распоясались! Никакой субординации!

– Не нервничай Аристарх! Тебе вредно! У тебя кровяное давление.

Анна усмехнулась: – Вот из-за таких мудаков как ты и случилась революция! Тебя-то уж точно на штыки поднимут, если убежать не успеешь.

Она увидела кафе и, выбрав столик на открытой террасе, заказала чашку кофе. Наслаждаясь терпким вкусом, девушка рассеянно рассматривала прохожих.

– Экстренное приложение к «Кубанским областным ведомостям»! Списки раненых героев прибывших на излечение в Екатеринодар, санитарным поездом. Свежие новости с театра военных действий! Немцы захватили Либаву! Наши чудо-богатыри закрепились на заранее подготовленных позициях!

– А вот газеты надо взять! – подумала Анна – часы получше обернуть. Все-таки с подсвечниками лежат! Вдруг стекло покоцается или мелкая деталька отломится.

Она подняла руку и, к ней сразу подлетел мальчишка-газетчик. – Мне газету и приложение, – Анна протянула ему полтинник – сдачи не надо!

– Благодарствую, – солидно кивнул белобрысый хлопчик и умчался, сверкая грязными пятками.

Допив кофе, Анна ещё немного прогулялась, прикупив в посудном магазине красивый заварной чайник и доску для сыра, с трудом отбившись от молоденького прапорщика, который вежливо, но настойчиво предлагал донести покупки. В ювелирном, упаковав часы, Анна поблагодарила продавца и, взяв извозчика, через полчаса уже входила в кладбищенские ворота. Около знакомой могилы она огляделась и, прижав к груди мешок, поднесла к кулону зажигалку.

Открыв глаза и увидев свою кухню, Анна облегчённо вздохнула. Ещё с прошлых путешествий во времени, у неё вошло в привычку принимать душ, как любила говорить: – «Смывать пыль веков».

Выйдя из ванны, она накинула халат и развязала мешок. Разложив покупки на столе, девушка довольно улыбнулась. – Костя будет в восторге! А если Палыч после таких книг и подсвечников не сделает его заведующим, то я его буду называть Падлыч! – решила Анна и стала готовить себе перекус.

Усевшись за стол с длинным бутербродом, она подняла с пола газету, – надо будет разгладить и спрятать, может когда-нибудь пригодится.

Взгляд рассеянно скользил по строчкам. «Списокъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 21 – го армейскаго корпуса, третьей полевой арміи Юго-Западнаго фронта прибывшихъ на излѣченіе въ г. Екатеринодаръ въ лазаретъ № 17 Кубанскаго Общества Краснаго Креста:

– капитанъ Левицкій Иванъ Павловичъ, командиръ 1-й отдѣльной телефонной роты;

– штабсъ-капитанъ Богатыревъ Петръ Игнатовичъ начальникъ артиллерійско-техническаго вооруженія 21-го мортирного дивизиона;

– подпоручикъ Ситниковъ Провъ Ѳомичъ, начальникъ корпусной полевой подвижной хлѣбопекарни № 78;

– подпоручикъ Богуславскій Петръ Алексѣевичъ, помощникъ командира 2-го дивизиона 4-й тяжѣлой артиллерійской бригады».

Её вдруг обдало жаром, она схватила серый лист, напечатанный сто лет назад, поднесла к глазам, перечитала и обессиленно опустила на стол.

– Это он! – сразу поняла Анна, – Петя! Когда началась война, он как истинный патриот и офицер вернулся в Россию. Девушка закрыла глаза, и из под крепко сжатых век, покатались слёзы.

– Подпоручик Богуславский сгнил в земле сто лет назад! Что ты хочешь сделать? Очередную глупость? – неожиданно в голове зазвучал холодный голос, – путешествие за книгами было продуманно и безопасно. То, о чём ты сейчас подумала, может привести к непредсказуемым последствиям.

– Я хочу убедиться, что это он, – возразила невидимому собеседнику Анна.

– Это он, – спокойно сказал голос, – что дальше?

– Мне надо его увидеть!

У голоса появились металлические нотки – если ты забыла, как вы с ним расстались, я тебе напомню! Ты представилась деловой, он ввёл тебя в криминальный мир, а ты подставила его, Фрола и Гриву, рассчитавшись фальшивыми деньгами. Петр тебя любил, предлагал руку и готов был бросить мир к твоим ногам. Как ты думаешь, он тебя встретит?

– Пётр ничего не знает! Пришельцев⁸ сказал, что его освободили от уголовного преследования.

– Тебе это сказал Женя, опер из нашего времени, который из-за тебя оказался в прошлом. Прошло три года! Кто может знать, что произошло за это время сто лет назад!

Анна вытерла слёзы и взяла в руки газету: – Пётр – офицер! Значит, он порвал с уголовным миром и у него чистая биография.

Голос хмыкнул, – все равно, зачем ворошить прошлое? У тебя было приключение, о котором остались, – в нём проскользнули похотливые нотки, – прекрасные воспоминания...

– Заткнись! – зло перебила Анна, – мои воспоминания, не твое собачье дело! Это ты скотина, заставил меня лететь в прошлое за книжками! А теперь треплешь мне нервы? Если я его не увижу, хотя бы одним глазком, то не смогу спокойно жить! Ты это можешь понять?

Сварив крепкого кофе, Анна задумалась. – Я увижу его, а дальше? – спросила она себя.

– Вот именно! – неожиданно мерзко вякнул голос – что, дальше? Бросишься ему на грудь просить прощения?

– Не твоего ума дело, если сочту нужным, то попрошу, и тебя не спрошу! Но чтобы ты успокоился и окончательно заткнулся, знай, что я просто хочу убедиться, что это он. А теперь замолчи и не мешай думать!

Она отхлебнула кофе и стала размышлять. – Прежде всего, нужно изменить внешность. Взять у соседки светлый парик, ну и макияж конечно. Во вторых, как ходить по лазарету? Если сразу спросить Богуславского, то мне предложат проведать его, а это нам не нужно. Анна прислушалась – голос молчал. – Молодец, – подумала она, – значит, я правильно мыслю.

Вдруг в памяти всплыла сцена из старого фильма про войну, где дети выступали в госпитале перед ранеными бойцами – девушка потёрла лоб, – да точно был такой фильм, кажется, он назывался «Мы смерти смотрели в лицо»⁹. Она улыбнулась и открыла ноутбук и набрала в поисковике хорошо знакомый сайт «Мой Екатеринодар». – Давай дружище! На тебя вся надежда подумала она. Когда страничка загрузилась. Анна удовлетворённо улыбнулась – Мариинский женский институт! Именно то, что надо! Я приду под видом преподавательницы для организации выступления учениц и попрошу показать мне помещения, чтобы определить формат представлений.

– Не стыдно? – произнёс голос с ноткой брезгливости, – раненым скажут о выступлении..., они будут ждать..., ты не лежала в госпитале и не знаешь что это такое!

– Заткнись и не беси меня! – зло прошипела Анна, – не надо делать из меня последнюю тварь! На обратном пути я найду в училище, представлюсь руководству старшей медсестрой и

попрошу организовать выступления для бойцов проливших кровь за Отечество! Вот, я даже адрес выписала! Там сейчас шифровка¹⁰ находится!

Остаток дня прошёл в подготовке. Взяв у соседки парик с длинной косой, закрутила её колечком и заколола на затылке. Затем залезла на сайт магазина приколов, увидела пенсне и сразу поехала за ним, но по дороге передумала. – Буду похожа на идиотку! – решила она и, зайдя в «Оптику», купила линзы голубого цвета. Примерив их перед зеркалом, Анна осталась довольна. – Утром лёгкий мейк-ап, и мать родная не узнает! А под вуалью вообще чужое лицо не отличишь от настоящего – решила она и, приняв душ, направилась в спальню. Перед сном девушка прислушалась – голос молчал.

– Нарушения волосяного покрова у экзотических животных, зачастую обусловлены сменной климата и питания. При назначении лечения, в обязательном порядке рекомендуем стрижки. Хозяева неохотно идут на этот шаг, но это необходимое условие для успешного лечения. Короткий волос легче напитать витаминами и минеральными веществами.

– Валерий Михайлович, расскажите о проблемах содержания тропических рыб – попросил один из врачей, приехавший из Бурятии.

– Клинические признаки и симптоматика, в целом одинаковы, но тропические рыбки очень восприимчивы к температуре воды и её насыщенности кислородом. Одной из проблем, является безграмотность владельцев, которые при покупке обращают внимание только на красоту окраски, не думая о том, что некоторые особи могут жить только в пресной, а другие – исключительно в морской воде. Обязательно интересуйтесь, в каком аквариуме содержатся рыбы. В каркасных, замазка со временем пересыхает. Если есть контакт воды с железным корпусом, то возможны отравления солями металла. Особенно восприимчивы к окислам дискусы и цихлиды.

Костя рассеяно записывал, с удовольствием вспоминая удачную покупку. Вчера, на блошином рынке на Удельной, он купил симпатичный подсвечник, в форме дельфина и ему не терпелось показать его Анне. Дождавшись перерыва, Костя отправил ей фото и через минуту перезвонил. Анна сразу сняла трубку.

– Привет! Я тебе по вайберу фотку кинул, зацени.

– Эффектная штука, – ответила она – Пальчу понравится. Место заведующего ты себе обеспечил.

– Завтра по букинистическим прошвырнусь, может с книгами повезет.

Поговорив немного о всяких пустяках, Анна дала отбой. – Ты дорогой даже представляешь, какие вещи ждут тебя дома! – с удовольствием подумала она.

Улыбнувшись, она занялась макияжем. Слегка подкорректировав овал лица, Анна приподняла линию бровей и нанесла под них светлый тон. Глаза решила не трогать, посчитав, что линз будет достаточно.

Переодевшись и внимательно оглядев себя в зеркале, она проверила запасную зажигалку. – Ну, с Богом! – произнесла Анна и крунула колёсико.

Анна решила пройти мимо двора, где жил Фрол, прекрасно понимая, что этого делать, не стоит. Девушка прислушалась, но голос молчал. Выйдя на кладбищенскую дорожку, она решительно свернула к главным воротам. Проходя мимо знакомого двора и, не сбавляя шага, быстро взглянула через невысокий забор. Там ничего не изменилось. Все так же тяжело переваливаясь, важно вышагивал гусь, а под знакомой жердлой щурился рыжий заматеревший кот. Анна вспомнила, как играла с ним, когда он был маленьким котёнком и улыбнулась. Было около полудня и солнце уже палило немилосердно.

– Да, здесь минералки не купишь, – вздохнула она, подходя к Ставропольской. С извозчиком ей повезло, и через некоторое время коляска остановилась около двухэтажного здания из красного кирпича.

На железной сетке, натянутой над главным входом, из красных жестяных букв была укреплена надпись «Кубанская община сестёр милосердия». Здесь рядом должна быть водолечебница, наверное, ещё не построили¹¹ – подумала она и, расплатившись, уверенно направилась к главному входу.

Толкнув высокую дверь, Анна огляделась и удивлённо качнула головой. По книгам и фильмам, она представляла себе военный госпиталь иначе. В чисто вымытых коридорах никто не лежал на полу, не гремел костылями, не звал маму и не хрипел в агонии: – Сестричка принеси попить!

В воздухе пахло каким-то непривычным, своеобразным, но явно медицинским запахом. – Карболка! – всплыло в памяти, и девушка уверенно пошла по коридору.

– Интересно, есть ли здесь «ординаторская»? Или это более позднее название? – подумала Анна. В это время открылась дверь и на пороге появилась молодая девушка в белом чепце и в сером платье с пелериной, с нашитым на груди красным крестом.

– Добрый день! – приветливо поздоровалась она, – вы кого-то ищете? Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Здравствуйте, я из Мариинского женского института. Хотела бы переговорить с кем-нибудь из начальства. Это возможно?

– Да, я сейчас провожу вас к начальнику лазарета. Прошу вас! – и сделав приглашающий жест, направилась в конец коридора.

Подойдя к двери с начищенной до зеркального блеска медной табличкой «Начальник 17-го лазарета Кубанской Общины Красного Креста надворный советник Сергѣй Викентьевичъ Васильевъ», сестра, коротко стукнув для приличия, толкнула створку: – Сергей Викентьевич, к вам посетительница из Мариинки.

– Да, да..., просите! – раздалось в ответ, и Анна вошла в кабинет. Из-за письменного стола заваленного бумагами, навстречу поднялся высокий, начинающий полнеть мужчина, в белоснежном халате, под которым был вицмундир с начищенными золотыми пуговицами. Устало, но приветливо улыбнувшись, он указал на кресло: – Прошу вас сударыня, чем обязан?

– Я, преподавательница Мариинского женского института, Лимберская Валентина Борисовна. На учительском совете, было высказано предложение, организовать выступление для раненых воинов. Воспитанницами это было встречено с энтузиазмом. Скажите Сергей Викентьевич, возможно ли это?

– Да! – сразу ответил он, – возможно и необходимо! Это будет способствовать процессу выздоровления. Что будет в программе?

Анна не была готова к этому вопросу, но не растерялась: – Отрывки из классической прозы и поэзии, патриотические песни и, конечно, что-нибудь из «Чтеца-декламатора»¹².

– Очень хорошо – удовлетворенно кивнул он, – только, пожалуйста, проследите, чтобы не было антивоенной лирики, провоцирующей пораженческие настроения, ну и конечно, никакой политики.

– Это само собой, разумеется – кивнула Анна, – Сергей Викентьевич, можем ли мы с вами осмотреть помещения пригодные для представления. Может быть, воспитанницы выступят перед тяжелоранеными, прямо в палатах? И откровенно говоря, самой интересно посмотреть. Я впервые в лазарете.

Начальник лазарета улыбнулся и взглянул на часы: – Сейчас познакомлю со своим хозяйством! Вы удачно пришли, через десять минут начинается утренний обход. Я проведу для вас небольшую экскурсию. Кстати, в прошлом году Его Величество, посетив лазарет, выказал глубокое удовлетворение нашей работой. У нас все, отравленные газами, получив соответствующую

щее лечение, вышли здоровыми! Наша попечительница, госпожа Бабыч, награждена большой серебряной медалью на Владимирской ленте, а от Императрицы Марии Федоровны ей пожалован «Знак отличия Красного Креста» и золотая медаль «За заботу о больных и раненых воинах». Наш лазарет отличается высококвалифицированным персоналом, и мы используем новейшие методы лечения.

Он снял с вешалки белый халат, помог Анне его надеть и распахнул дверь. В коридоре, уже ожидали четыре врача и пожилая женщина.

– Наверное, старшая медсестра – подумала она.

Сергей Викентьевич представил Анну и, пройдя по коридору, они вошли в первую палату, где лежало восемь человек.

– Здесь у нас выздоравливающие, из нижних чинов, – тихо пояснил один из врачей. Войдя, начальник госпиталя, приветственно поднял руку, предупреждая раненых сделавших попытку подняться. – Добрый день господа, не вставайте! Как себя чувствуем?

– Хорошо, ваше высокоблагородие. На поправку идём, – раздался нестройный гул голосов.

– Ну, дай-то Бог! – удовлетворенно произнёс Сергей Викентьевич. – Всем проводить как можно больше времени на свежем воздухе. Прямо сейчас – в сад и до обеда гулять! После обеда, Ольга Васильевна, – он обернулся женщине – пусть помогут сёстрам по хозяйству. Работу определите сами по их габитусу¹³. Вот, к примеру, этому орлу – Васильев кивнул на розовощёкого солдата с пышным чубом, – смело можно поручить колку дров! У него кажется сквозное пулевое ранение левой «*musculus gastrocnemius*»?¹⁴ Тем более!

В коридоре он обернулся к лечащему врачу – Завтра же оформляйте ему десятидневный отпуск для поправки здоровья и на фронт! Мы и так его дней пять лишних продержали!

В другой палате, лечащий врач, в чине коллежского секретаря, моложавый, с донкихотовской бородкой, доложил, – ефрейтор Макухин, слепое осколочное ранение правого бедра в средней трети с повреждением «*arteria femoralis*»¹⁵. На поле боя санитарями оказана первая помощь, наложен жгут. В полевом лазарете была проведена хирургическая обработка раны с окончательной остановкой кровотечения. При операции по удалению осколка в качестве наркоза использовалась закись азота, а также сердечные гликозиды и обезболивающие средства. После операции проводилась инфузионно-трансфузионная терапия. К нам поступил в удовлетворительном состоянии, но через двое суток поднялась температура до 38.

Начальник лазарета нахмурившись, подошёл к койке. На багровом лице раненого, дрожали крупные капли пота.

– Как звать? – спросил он.

Ефрейтор сделал попытку подняться, но Васильев придержал его за плечо. – Не вставай.

– 2-го Полтавского полка. 3-й роты – с трудом ворочая языком, заученно начал Макухин, но Сергей Викентьевич мягко его остановил, – я спросил, как звать, а не какого полка.

– Сидор я буду – ответил он, облизнув сухие губы.

– Что с ногой Сидор? Расскажи.

– Когда поездом санитарным ехали, всё вроде хорошо было, а вчерашней ночью как начало дёргать, аж мочи нет терпеть, и страсть как печёт!

– Ну-с, давай глянем, что тут у нас, – ласково промурлыкал Васильев, приподнимая одеяло – и увидев туго забинтованную ногу, раздражённо произнёс, – Александр Васильевич, уже давно все военные врачи знают, что методику Бергмана¹⁶ можно использовать только при пулевых ранениях с небольшим повреждением тканей. Вы же, зная о том, что ранение осколочное, пренебрегли этим и получили анаэробную инфекцию... хорошо ещё до «*gangraena gasea*»¹⁷ не дошло! Срочно везите его в операционную и незамедлительно начинайте хирургическую

обработку. Затем лечение открытым способом. До начала грануляции, постоянный контроль, для возможной корректировки тактики лечения! О состоянии докладывать дважды в сутки!

Александр Васильевич пытался что-то возразить, но, начальник лазарета поднял ладонь вверх: – В операционную! Cito!¹⁸

Когда они вышли из палаты, пожилой врач озабоченно произнёс: – Сергей Викентьевич, я полагаю, что нам целесообразно созвать консилиум с приглашением коллег из городских больниц. Меня очень беспокоит состояние Богуславского.

При этих словах Анна насторожилась.

– Это наш герой? – удивлённо переспросил Сергей Викентьевич, – ведь он уверенно шёл на поправку!

– Да, всё было так до сегодняшней ночи. Его привезли с осколочным ранением брюшной полости. Состояние здоровья опасения не вызывало. На протяжении двух суток температура была нормальная и его ничего не беспокоило. Сегодня ночью, как раз в мое дежурство, температура поднялась до 39, брюшная стенка напряжена. Лежит, скорчившись, колени подтянуты к животу, реакция Щеткина-Блюмберга¹⁹ резко положительная. Осмотрев его, я обратил внимание, что точка наивысшей болезненности не совпадает с местом операции. Я подозреваю, что начался перитонит.

Начальник лазарета нахмурившись, озабоченно покачал головой: – Что вами было предпринято?

– Для купирования болевого синдрома я сделал инъекцию морфия, и как только прибыл рентгенолог, сразу же направил на обследование. Сейчас жду, когда снимок просохнет, и после обхода зайду с докладом.

– Давайте к Богуславскому, – сказал Сергей Викентьевич, открывая дверь в палату.

Анна, опасаясь, что её выгонят, спряталась за спины врачей, вошла в палату последней и сразу увидела Петю. Он лежал на койке около окна. Глаза его были полуприкрыты, на лбу выступила испарина.

– Боже мой! Неужели это он! – подумала она. На прикроватной тумбочке одиноко лежало надкусанное и уже успевшее почернеть, яблоко. Анна вдруг ощутила приступ неудержимой нежности, смешанной с жалостью и, пытаясь унять слёзы, до боли прикусила губу. Стараясь не привлекать внимания, она тихо вышла в коридор и направилась к кабинету начальника лазарета.

Дождавшись, когда он вернётся, Анна спросила: – Сергей Викентьевич, а что совершил это солдат? Бого, Богу...? Она сделала вид, что не помнит фамилию.

– Подпоручик Богуславский? – переспросил Васильев, – с началом войны он приехал, кажется из Бразилии, где у него было собственное дело, и поступил вольноопределяющимся в артиллерию. Прекрасно себя проявил, за что был произведён в офицеры. Когда немецкий арьергард, прорвав оборону, вплотную приблизились к батарее, организовал оборону и сумел продержаться до подхода нашей кавалерии. На следующий день пропала связь с корректировщиком огня. Двое солдат, направленных на ремонт линии, не вернулись. Богуславский лично направился устранить обрыв. Восстановил связь и заменил убитого дальномерщика. Возвращаясь на позицию, угодил под шальной снаряд.

В кабинет без стука вошёл врач, держа в руках рентгеновский снимок.

– Сергей Викентьевич, они проглядели маленький осколок – он протянул снимок, – Вот, взгляните, в нисходящей части толстого кишечника, около селезёночного изгиба.

Подойдя к окну, Васильев внимательно просмотрел снимок и вздохнул – здесь, коллега, консилиум ни к чему. Классическая картина гнойного, травматического перитонита. Немедленно готовьте его к операции. Без лаважа²⁰ не обойдемся.

– Можно посмотреть? – спросила Анна.

– Прошу вас, – он протянул ей снимок. Среди мутных пятен и кишечных петель, зловеще белело маленькое пятнышко неправильной формы.

Когда врач вышел, Анна тихо спросила, – он выживет?

– Спихватились во время, хирург опытный, организм молодой, крепкий. Думаю, выкарабкается, хотя..., – он вздохнул, – всё в руке Божьей...

Попрощавшись, Анна вышла и не торопясь направилась к Мариинскому институту. Размышляя о Богуславском, она свернула на Шереметевскую²¹ и сразу узнала красивое здание из красного кирпича. Уверенно толкнула высокую дверь и вошла вовнутрь. Вокруг была тишина, и она растерянно огляделась, не зная куда идти. Увидев сидящего за столом пожилого мужчину в сюртуке, Анна направилась к нему, как вдруг, взглянув на часы, он нажал кнопку и над головой оглушительно прозвенел звонок. Захлопали двери и в коридор, весело переговариваясь, высыпали воспитанницы, в серых и белых платьях с пелеринами. Девушки постарше, степенно прогуливались парами, снисходительно поглядывая по сторонам.

– Ах, Мария, я совсем запуталась, после Закона Божьего, сегодня космография или география?

– Ты Тата, поменьше думай о каникулах и Поля де Кока²² на ночь не читай, тогда не запутаешься – усмехнулась Мария, – а то у тебя как песне, – и не лишённым приятности голосом пропела:

В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,²³
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль де Кок,
Где брюссельское кружево... на платке из фланели!
На кушетке загрязился молодой педагог.

Тата весело рассмеялась: – Молодой педагог – это про тебя, думаешь, никто не знает, почему ты остаёшься у физика после урока приборы в лаборантскую таскать?

Улыбнувшись про себя, Анна спросила: – Барышни, будьте любезны подскажите, где кабинет директрисы?

Девушки любезно объяснили и она, поблагодарив, направилась в указанном направлении.

После посещения лазарета, Анна чувствовала себя уверенно. Войдя кабинет, она поздоровалась, и сразу перешла к делу: – Я фельдшер, 17 лазарета Красного креста, по поручению начальника надворного советника Васильева. Он просил изыскать возможность выступления ваших воспитанниц перед ранеными героями Отечества.

Пожилая женщина улыбнулась: – Вы не поверите, я буквально вчера думала об этом и сегодня собиралась лично встретиться с вашим начальством.

– Прекрасно, когда благие мысли о раненых сразу претворяются в дело – с благодарностью произнесла Анна, – если вас не затруднит, когда будет готова программа, направьте кого-нибудь для определения обоюдной удобной даты.

Попрощавшись, она вышла на улицу и поняла, что всё время думала только о Петре.

После встреч и волнений у неё пересохло в горле. Время близилось к полудню, и солнце начало припекать. Наплевав на все правила приличия. Анна остановилась около водяной колонки, с наслаждением напилась и мокрой рукой обтерла лицо, поглядела на воробьев, купающихся в пыли и направилась дальше. – В центре перекушу в кафе, и на трамвай – подумала она и, дойдя до Екатерининской, зашла в небольшое кафе.

– Смогу ли я жить спокойно, вычеркнув Петра из своей жизни – спросила она и сама себе ответила, – нет, не смогу!

– Все в руке Божьей, – вспомнила Анна, слова начальника лазарета, и с каким-то непонятным ожесточением подумала, – это у вас, Сергей Викентьевич, в руке Божьей! А у нас всё в руках врача! Я не дам ему умереть из-за того, что Флемминг ещё не открыл пенициллин!²⁴

Анне всегда нравилась медицина, и когда Костя арендовал ветеринарный кабинет, весь свой отпуск, она с удовольствием ему помогала. Они вместе стерилизовали и кастрировали животных, а один раз даже вскрыли лабрадору желудок и извлекли женские наручные часики. У неё была очень хорошая память, особенно на то, что было интересно. Она запомнила названия инструментария, лекарств и научилась рассчитывать дозу наркоза.

– Наркоз не пригодится, лекарств таких ещё не изобрели, а вот одежду сестры милосердия, было бы найти неплохо – в памяти услужливо всплыл фильм, где преступник, одев белый халат, проник в больницу и убил какого-то важного свидетеля.

Неожиданно Анна поняла, что для себя она уже все решила, и начинает продумывать детали. Девушка прислушалась – голос молчал.

Подозвав официанта и рассчитавшись, девушка решительно встала и направилась к трамвайной остановке.

– Сначала звоню Ленке. Невролог, тоже должен соображать, в крайнем случае, спросит у коллег. Затем к Маришке, платье надо обязательно сменить. Хорошо, что я сейчас в гриме. Вернусь без макияжа. Все равно Пётр узнает, с ним как-нибудь объяснюсь, – думала она, рассеянно глядя на приближающуюся, величественную триумфальную арку.

Оказавшись на кухне, Анна сразу позвонила Лене: – Привет Леноч, как жизнь? Язык, надеюсь по средней линии?²⁵

Лена рассмеялась, – функции тазовых органов контролирую и то, слава богу! – это было их обычное приветствие: – Как у тебя?

– Все стабильно! Отсутствие новостей – лучшая новость! Лена, вопрос к тебе..., у меня знакомый с перитонитом лежит. Скажи, какие сейчас самые сильные антибиотики?

В трубке раздался вздох. Прикрыв глаза, Анна явственно представила как подруга, собрав рот в куриную гузку, покачивает головой: – Всё зависит от заболевания. Надо учесть противопоказания, аллергические реакции, индивидуальную непереносимость, собрать полный анамнез.

– Не беси меня, Ленка! – усмехнулась Анна. – Мой хороший знакомый, прекрасный человек балансирует между жизнью и смертью, а ты мне лектора включаешь! Узнай и перезвони, если у вас есть, возьми, я вечером заеду денежку завезу. Заодно чаю попьём и повидаемся!

Лена перезвонила через пятнадцать минут – Заезжай вечером. Я взяла тебе «Миронем», это штатовский антибиотик широкого спектра действия, на сегодня один из самых сильных. Флакон девятьсот пятьдесят рублей. Купила пока на пять инъекций, его колют через восемь часов. Будешь ехать, не забудь в «Патрик и Мари»²⁶, за хворостом заехать.

Анна поблагодарила и отправилась в драмтеатр.

– У вас в костюмерной есть платье сестры милосердия?

– Вау! – рассмеялась Маришка, – ты медсестра, а Костя раненый солдат? Весело живёте! Завидую! Я тебе предложу ещё круче! Ты сестра-кармелитка, а Костя – мушкетёр? Ваша интимная жизнь заиграет новыми красками!

– Дура ты, подруга! Мне, правда, надо. У нас в офисе капуста будет!

– Если теперь это так называется, пусть будет капуста – она ехидно улыбнулась, и вдруг посерьезнела, – тебе повезло. Месяц назад, у нашего бутафора умерла бабушка. Он притащил гору антиквариата. Мебель, посуда, старая одежда. А в сундуке было настоящий костюм сестры милосердия, его какой-то бабушки. Пошли!

Они немного покружили по длинным извилистым коридорам и наконец, остановились около одной из дверей. В большой комнате длинными рядами висела одежда всех времён и народов, отдельно на полках лежали шляпы и обувь.

Маришка уверенно направились одному из рядов. Четыре почти одинаковых сестринских костюма висели рядом, но Анна сразу почувствовала дыхание времени и уверенно протянула руку к одному из них.

– Истфак не пропъёшь! – удовлетворенно кивнула Маришка, – забирай, только аккуратно, оно хоть на балансе не стоит, но всё-таки раритет. Пусть Костя в экстазе будет поаккуратней!

Дома Анна примерила платье, которое пришлось впору. Она повязала косынку и, подойдя к зеркалу, начала разглаживать складки. В нагрудном кармане что-то хрустнуло. Засунув руку, девушка вытащила небольшую книжку с красным крестом. На грубой серой бумаге крупными буквами было написано: «Свидѣтельство», чуть ниже: – «Сестра милосердія военного времени». Внизу она прочла «Видомъ на жительство служить не можетъ» и озабоченно сдвинула брови. Перевернув первую страницу, и увидев надпись «Мѣсто для фотографіи» девушка нахмурилась ещё больше.

– Очень удачно, бабушка книжку забыла, и очень кстати, что не заполнена. С фоткой разберёмся. Надо изучить вопрос, а то можно нарваться – подумала она и взглянула на часы: – Часа три ещё есть.

Анна включила ноутбук и, найдя на сайте «Списокъ сестеръ милосердія Россійскаго Общества Краснаго креста, назначенныхъ для ухода за ранеными и больными воинами» через полчаса уже знала, что сестры милосердия были штатные, запасные и военного времени.

– Наверное, лучше быть запасной, они меньше на виду – решила она и стала медленно пролистывать список медсестер. Вчитываясь в фамилии и имена девушек, которых уже давно не было на свете, она вдруг вспомнила хайку Бурдонова:

Все они умерли –
люди, жившие в Российском государстве
в августе 1864 года.

Все умерли... и эти девушки уже давно превратились в тлен, – подумала она и, ей стало не по себе. Взгляд остановился на строчке «Василенко Анна Николаевна. Запасная военного времени. 9 авг. 14 г., въ г. Казань».

– Имя отчество совпадает, не запутаюсь. В Казани была три раза, общее представление о городе есть. Подходит! – решила она и, взяв чернильный «Паркер», начала аккуратно заполнять графы, тщательно высчитывая даты. Закончив писать Анна перечитала и не найдя опечаток удовлетворённо вздохнула.

Ещё раз, проверив карманы, она положила платье в стиральную машинку и, включив деликатный режим, поехала за лекарством. Затем купив бутылку виски и колу, направилась к своему однокласснику, королю фотошопа Андрюшке Зубареву, который штамповал для неё на ксероксе царские деньги, для первого путешествия.

– Тосик, – без предисловий начала Анна, – сделай из меня сестру милосердия! – и поставила на стол алкоголь и колу.

– Не хотелось сегодня пить! Жара на улице, – поморщился он, внимательно разглядывая бутылку – «Grant's»... хороший вискарик, – и, погладив красную, с золотыми буквами этикетку, вздохнув, ласково добавил, – и прохладненький!

Взглянув на одноклассницу, с которой просидел за соседней партой все десять лет, Андрей задумчиво спросил, – а ты за рулём?

– Нет! – улыбнулась Анна – что я дура, что ли!

Он радостно улыбнулся, – нет, конечно! Ты там похозяйничай в холодильнике, а я пока комп включу и фото подберу.

Тосик, как всегда оказался на высоте. Они ещё не успели выпить третью, как с монитора на них смотрела Анна в сестринском платье. – Сейчас чуток сепии и зернистости добавим, и будет отлично!

Утром Анна отвезла Арчика, к родителям на дачу, предупредив, что уезжает на неделю в горы. У неё был разработан чёткий план действий.

– Прихожу в лазарет к Васильеву. По семейным обстоятельствам из Казани перебралась в Екатеринодар. Устраиваюсь на службу. Если нет вакансий, прошу разрешения помогать как волонтер. Ему надо сделать пять инъекций с интервалом в восемь часов. Если будет положительная динамика и, спадёт температура, я исчезаю. При необходимости продолжить лечение, возвращаюсь за лекарством и продолжаю колоть.

Она ещё раз прошла по пунктам плана. – Вроде всё бьётся.

Вдруг внутри проснулся голос, о котором она уже забыла: – Как ты объяснишь свое появление Петру?

Анна задумалась и вдруг улыбнулась – очень просто! Он уехал в Южную Америку, а не я! Пусть оправдывается!

Переодевшись, она внимательно осмотрела себя в зеркало и сев на табурет, которую по себя называла «Байконуром», чиркнула зажигалкой.

Открыв глаза, она встала и, расправив платье, направилась к воротам. Неожиданно проснулся голос, – что, Аннушка уже разлила подсолнечное масло?²⁷ – ехидно спросил он.

– Да, разлила! – коротко ответила девушка.

– Надеюсь, Аннушка подумала, как объяснит Петру, почему она Анна, а не Екатерина?

– Я просто ему скажу, что это моё настоящее имя, а там пусть думает что хочет – ответила она и попросила, – помолчи, мне надо подумать.

Анна решила не брать извозчика, и пошла пешком до Привокзальной площади. Про объяснение с Петром девушка не думала, её больше беспокоила встреча с начальником лазарета. Она выудила из памяти свои познания в медицине, и печально вздохнула: – Не густо! Ей вспомнилась фраза из любимой в детстве книги, где описывалось прибытие раненых в захолустный Покровск – «Гимназистки кокетливо щипали корпию²⁸».

– Эх, товарищ Кассиль²⁹, вы бы хоть разъяснили будущему поколению, что это какое! – подумала Анна.

Она шла по Посполитакинской, стараясь не торопиться, но все равно, задумавшись, убыстряла шаг. Неожиданно, у неё от голода засосало под ложечкой. – От волнения – подумала она и, увидев свисающую из-за забора ветку, сорвала жёлтый, налитой соком абрикос.

– На здоровье, берите ещё не стесняйтесь – раздался надтреснутый старческий голос. Из калитки вышел старик в соломенной шляпе. В руках он держал ведёрко, наполненное спелыми плодами.

– Вот возьмите на здоровье! Солдатииков, сестричек угостите – приветливо улыбаясь, сказал он.

– Спасибо вам, только как же я понесу? – растерялась Анна, – мне пересыпать некуда.

– Так вы прямо с ведёрком и берите – он улыбнулся еще шире, и от глаз к вискам побежали весёлые лучики морщинок – а потом как-нибудь занесёте. Здесь же рядом. За забор повесьте и всё!

Анна поблагодарила и, взяв абрикосы, через несколько минут уже стояла перед знакомыми дверьми.

Выдохнув, она толкнула тяжёлую створку и уверенно вошла вовнутрь. Подойдя к сестре, катившей по коридору тележку, на которой плотными рядками стояли тарелки с кашей, Анна

поздоровалась и протянула ведёрко: – Вот, горожане передали для солдат. Сергей Викентьевич у себя?

– Да – кивнула сестра: – Абрикосы я сейчас на кухню отдам, на ужин раздадим, а кабинет начальства, прямо по коридору. Там на двери написано.

Подойдя к кабинету, Анна на секунду остановилась, сделав вид, что внимательно читает табличку. Больше всего, она боялась встречи с Васильевым, который общался с ней и мог узнать.

Собравшись с духом, она постучала, и из-за двери сразу же ответили: – Да, да..., прошу вас!

– Здравствуйте, Сергей Викентьевич! Я, Анна Николаевна Василенко, запасная сестра из Казани. Призвана по военному времени. По семейным обстоятельствам семья переехала в Кубанскую область. Прошу принять на службу в ваш лазарет – не убирая с лица улыбку, она напряжённо ждала ответа.

– Да вы присаживайтесь Анна Николаевна, – Васильев, привстав, указал ей на кресло.

– Не узнал! – облегчённо вздохнув, Анна присела и протянула ему книжку.

Внимательно перелистав её, он положил её на край стола: – Видите ли, Анна Николаевна, к глубокому сожалению, я не могу удовлетворить вашу просьбу. У меня полный штат, а во вторых, должна быть бумага из мобилизационного отдела Красного Креста о вашем откомандировании. Без этого открепительного документа, никакое решение в отношении вас невозможно.

Анна была готова к такому повороту событий. Скорбно вздохнув, она произнесла: – Мы выехали весьма спешно. Собрались буквально за двое суток. Отцу предложили ответственный пост в управлении Владикавказской железной дороги. Я сразу направилась в канцелярию и попросила дать мне бумаги нарочным, но вы же знаете наших крючкотворов! Они пообещали выслать незамедлительно. Разрешите, пожалуйста, мне приступить к работе, на добровольных началах. У меня в Екатеринодаре никого нет. Отец сутками на службе, я маюсь бездельем, а должна, и хочу приносить пользу!

Сергей Викентьевич задумчиво побарабанил пальцами по столу, – вы окончили годичные курсы или выпускались по ускоренной подготовке?

– По ускоренной, – быстро ответила Анна и, предупреждая очередной вопрос, скромно добавила – я хорошо училась.

– Добро, поступим следующим образом! – кивнул начальник лазарета, прихлопнув ладонью по столу, – пока не будет документов, поработайте так. Работы действительно невпроворот. Когда придут бумаги, введём дополнительную единицу. Полагаю, это продлится дней десять. Сейчас будьте любезны, найдите старшую сестру Ольгу Васильевну и поступайте в её распоряжение.

Старшая сестра встретила новую подчинённую приветливо. Расспросив об обстоятельствах переезда, она сказала: – Сейчас я попрошу показать вам лазарет, а потом, – она взглянула на висящие, на стене часы, – поможете сестрам разнести обед.

Ольга Васильевна окликнула проходившую мимо медсестру, – Людмила, познакомься! Это Анна, прибыла к нам из Казани. Познакомь с нашими пенатами, а потом она поможет вам с раздачей.

– Идёмте – улыбнулась Людмила – давайте начнем с операционного зала. Вот взгляните – она открыла одну из дверей, и Анна увидела большую светлую комнату с высокими окнами. В центре стоял операционный стол с множеством никелированных рычажков и маховичков. Вдоль стен на высоких подставках лежали большие круглые коробки. – Биксы – вспомнила Анна – в них хранят перевязочный материал, и кажется, стерилизуют инструменты. На отдельном столике, прикрытом салфеткой, лежал подготовленный к операции инструментарий.

– Здесь у нас гипсовальная, а тут чистая, и гнойная, перевязочные, рентгенологический кабинет за углом. А вот это – она открыла ещё одну дверь – стерилизационный кабинет. Вы в Казани шёлк тоже по Кохеру³⁰ стерилизуете?

– Конечно! А как же ещё? – нагло ответила Анна, сообразив, о чём идёт речь. Когда Людмила показала ей сестринскую, читальную комнату и столовую, Анна спросила, – а в палаты мы зайдём?

– Обязательно, – кивнула она – сейчас на кухне обед возьмём и пойдём разносить.

Взяв раздаточный столик, на котором уже стояли миски с борщом и пшённой кашей, обильно политой маслом, сестры двинулись по коридору. Людмила кивнула на бак, стоявший на нижней полке: – Там паровые тефтели, их мы кладем в последнюю очередь, а то бывает, скатываются.

В каждой палате Людмила представляла новую сестру. Раненые приветливо улыбались, кто побойчее, представлялся в ответ, неуклюже пытаясь флиртовать. Анна вежливо улыбалась, отшучивалась, с нетерпением ожидая, когда они войдут палату к Петру, которая была почти в самом конце. Наконец они подошли к белой двери с начищенной медной ручкой и Людмила остановилась: – Здесь у нас тяжёлые лежат. У Богуславского осколок не заметили, перитонит начался, вчера прооперировали. Ему сейчас ничего нельзя. Второй, ротмистр Михайлов, совсем плох, – она покачала головой – может до утра не дотянет.

– А что с ним?

Людмила тяжело вздохнула. – Гангрена..., говорят, они в атаку пошли, позицию немецкую захватили, и в окопе всех немцев перекололи. Он в блиндаж дверь распахнул, думал пустой, а там один лейтенант от страха спрятался и две пули ему в голень... Кость в кашу размолотил. Ногу ампутировали, и к нам направили. В поезде гангрена началась..., сами понимаете, окопная земля, грязь... Мы тихо заглянем, если спят, будить не будем.

Она неслышно приоткрыла дверь, и удовлетворённо кивнула – спят. Анна вошла следом и сразу увидела Петра. Он лежал на спине и тяжело дышал приоткрытым запёкшимся ртом. По бледному заострившемуся лицу катились капли пота. Вдруг Людмила нахмурилась, на цыпочках подошла к койке, где лежал худощавый мужчина с тоненькими усиками и, приложив руку к сонной артерии, вздохнула: – Отмучился Андрей Андреевич, сейчас в мертвецкую повезём. Только тихо, чтобы Богуславский не проснулся.

Поставив на тумбочку Петра поильник с водой, они вернулись с каталкой, аккуратно переложили тело и, накрыв простынёй, повезли в подвал.

– Не боишься покойников? – спросила Людмила.

Анна пожала плечами: – Особого восторга не испытываю, но при нашей службе от них никуда не деться.

– Прости меня Господи, но это очень здорово, что Пётр остался в палате один – думала Анна, помогая Людмиле закладывать в стерилизатор инструменты. Поставив его на огонь, она спросила, – а второй, который с Михайловым лежал, как ты думаешь, выкарабкается?

Людмила помолчала: – Трудно сказать, я утром мерила температуру, было 37,5, значит, к вечеру будет все 39. Надежда слабая, будем надеяться.

– Это вы надейтесь, а мы будем действовать – подумала лже-сестра и сказала, – надо воду ему свежую дать, сейчас схожу.

– Да – кивнула Людмила, тщательно споласкивая кружку Эсмарха – и заодно, померь температуру.

Анна кивнула, взяла термометр, и быстро пошла по коридору. Подойдя к палате, она на мгновение остановилась и, раскрыв дверь, уверенно вошла вовнутрь.

Петр лежал в той же позе, и слегка повернув голову, безучастно смотрел в окно.

– Здравствуй Петя, – тихо произнесла она и присела на край койки. Богуславский повернул голову, его лицо удивленно вытянулось и, он с робкой улыбкой произнёс, – Катя???

– Называй меня Анна, – быстро ответила девушка, смахнув слезу, – ничему не удивляйся, объяснимся позже. Я достала самое сильнодействующее лекарство, но об этом никто не должен знать! В Екатеринодаре такого ещё нет, мне привезли из-за границы. Пять уколов и ты будешь здоров.

Петр растерянно молчал, и она быстро сунув по мышку градусник, начала готовить инъекцию.

Ещё в Краснодаре, она думала, взять шприцы с собой или воспользоваться госпитальными, но вспомнив, как однажды мучилась, разводя бициллин, который сразу кристаллизовался, забывая просвет иглы, взяла несколько одноразовых.

– На бок повернуться сможешь? – спросила она, приготовив шприц, и неожиданно вспомнила, что ей нечем протереть место укола. – Ничего, в месте введения антибиотика абсцесса не бывает – решила Анна и уверенно ввела иглу.

– У тебя лёгкая рука, – сказал Петр поворачиваясь. Девушка придержала его, быстро убрав шприц в карман, чтобы он не заметил необычный прибор, и достала градусник. – 38,2, но теперь это нас с тобой не пугает – улыбнулась Анна – лекарство только начало действовать – и, поцеловав его, вышла из палаты.

– Придётся остаться здесь – решила она – дома переночевать не получится.

Остаток дня она провела, в обычных медсестринских хлопотах. По просьбе лежачих, подносила утки, перестилала постели, ставила клизмы и убирала палаты. Вечером она отнесла Петру рисовый отвар и, померив температуру, очень обрадовалась, увидев, что она не поднимается.

Он пытался с ней поговорить, но Анна поднесла палец к губам. – Сюда могут войти. Как тебе станет лучше, я выведу тебя на прогулку, там спокойно поговорим без лишних ушей.

После ужина, она поинтересовалась у Людмилы, с которой уже перешла на ты. – Здесь можно переночевать?

– Да, конечно – ответила она, – на втором этаже у нас общежитие. Возьми у кастаньяши белье и располагайся. Там ночуют иногородние и те, кто остаётся на дежурстве.

Когда все улеглись, Анна ожидала, что сейчас начнутся обычные женские разговоры, но сёстры умаявшись за день, заснули практически сразу.

Утром, после завтрака, Людмила спросила, – после занятий поможешь мне паковать подарки?

Анна кивнула: – Конечно, только что за занятия и, какие подарки?

– Занятия по медицине, а подарки солдатам на фронт – пояснила она, и повела в большой зал, где собрались почти все сестры.

Лекцию по десмургии³¹ читал Александр Васильевич, который получил нагоняй от начальника лазарета за устаревшие методы лечения.

Напомнив сестрам основные понятия, он оглядел зал, и посмотрел на Анну, которая сразу поднялась.

– Прошу вас сестра, не вставайте. Назовите, какие вы знаете виды бинтов?

Лихорадочно прокручивая в памяти аптечные витрины, она медленно ответила: – Широкие, узкие, стерильные, нестерильные. Гипсовый бинт и ещё перевязочный пакет.

Он замолкла, ожидая услышать насмешки, но врач неожиданно для неё удовлетворённо кивнул: – Вы забыли упомянуть об эластичных бинтах, которые недавно были предложены профессором Эсмархом, кстати, и упомянутый вами индивидуальный пакет впервые был придуман им же во время франко-прусской войны. Сударыни, а кто может нам сказать, когда он был принят у нас?

– Разрешите, Александр Васильевич? – подняла руку похожая на дятла девушка с большими чёрными глазами и крупным носом: – В Российской империи, пакет был предложен профессором Императорской Военно-медицинской академии, академиком Вельяминовым. Согласно «Положению о военно-врачебных заведениях», в 1887 году он поступил в войска.

– Прекрасно Софья Иосифовна! – удовлетворенно произнёс врач, – теперь поговорим об антисептиках, активное применение которых началось во время турецкой войны.

Он достал блокнот и, перелистав его, обвел взглядом внимательно слушавших сестер: – Я хочу вам прочесть воспоминания профессора Турнера – «Сейчас кажется невероятным наблюдением зрелище оператора, приступающего к операции в старом клеёнчатом фартуке, снимаемом с гвоздя, вбитого в стену, пользующего лигатурой, доставаемой из-за уха фельдшером, и инструментами вынимаемыми из сигарного ящика». Великий Пирогов – он поднял палец вверх, – считал, что 86% смертности при ампутациях и резекциях происходят от «руаеѣи»³².

– А ведь они почти поголовно влюблены в него, – подумала Анна, глядя на покрасневшие лица сестер, и решила, что Александр Васильевич, очень даже ничего.

– Медицина за последние 20-30 лет, шагнула далеко вперед и ярким свидетельством, является состояние подпоручика Богуславского. Своевременная и правильная постановка диагноза, умело подобранная тактика лечения в сочетании с руками опытного хирурга дают нам уверенность в его скорейшем выздоровлении. При утреннем обходе он выглядел очень хорошо. Температура 36,9, живот не напряжён и при пальпаторном исследовании безболезненный. Симптомы раздражения брюшины отсутствуют. Кстати, кто из присутствующих напомним, как мы можем это проверить, кроме Щеткина-Блюмберга?

Софья Иосифовна опять подняла руку. – Синдром Менделя. Если легко постучать кончиками пальцев по брюшной стенке, то возникает боль. Помимо раздражения брюшины, это указывает на растяжение гладкой мускулатуры, что может быть вызвано метеоризмом или перемещением камней в жёлчном пузыре или в поджелудочной железе.

– Bravo! – абсолютно серьезно произнёс Александр Васильевич. – Софья Иосифовна, настоятельно рекомендую по окончании военных действий держать экзамен в Женский медицинский институт. Мы дадим вам самую лучшую рекомендацию, а пока вы не стали профессором, – он по доброму улыбнулся, – после занятий попрошу ассистировать мне при перевязке Счастливого. Может быть, со временем я буду с гордостью рассказывать, что мне довелось работать с самой Бражинской.

– Александр Васильевич, – Софья зарделась и стала даже симпатичной – я сегодня назначена на работу в аптеку по просьбе старшего провизора. Выявилось три раненых с пузырьчатой экземой. Он просил помочь приготовить дегтярно-мыльную мазь. Она хорошо помогает в запущенных случаях.

– К сожалению, не смею препятствовать, – вздохнул Александр Васильевич – тогда... – он обвел глазами аудиторию и взглянул на Анну – попрошу вас, сестра. Через полчаса привозите его в перевязочную.

Слегка поклонившись аудитории, Александр Васильевич вышел, прикрыв за собой дверь.

– Кто такой Счастливец? – спросила Анна.

– Это лётнаб³³. Их обстреляли боши и угодили ему прямо в ягодицу. Пуля остановилась в полутора линиях перед вертелом бедренной кости, пройдя в одной линии³⁴ от седалищного нерва. Не задета ни одна крупная артерия! – Людмила рассмеялась. – Он действительно счастливчик.

– Понимаешь, – Анна замялась – я никогда не помогала хирургам. Вернее помогала, но мало, С чего начинать?

– Всё очень просто! Привозишь его в перевязочную, помогаешь лечь на стол. Удаляешь старую повязку, обрабатываешь операционное поле йодоформом, обкалываешь кокаином, и подаешь врачу то, что он скажет.

– А что он скажет? – растерянно спросила она.

– Зонд, пуговчатый, или к примеру желобоватый, зажим какой-нибудь – она пожала плечами, – ранорасширитель Фарабефа или ложечку Фолькмана. Зажимы тоже все разные – Кохера, Москит, Бильрота, Пеана. Они бывают прямые и изогнутые.

Анна испуганно поёжилась. Взглянув на неё, Людмила ободряюще улыбнулась, – не бойся, – я тебе помогу. Вам должна помогать одеваться санитарка, ей буду я! Мы привезём Счастливого пораньше и вместе подготовим его.

Анна благодарно улыбнулась и, взяв каталку, они направились в палату. Счастливчик оказался молодым симпатичным унтер-офицером, который увидел их, со вздохом спросил: – На экзекуцию?

– На перевязку – ответила Людмила – не бойтесь Дмитрий Михайлович, у Аннушки лёгкая рука!

В перевязочной она, достав из бикса халат, косынку и маску, помогла Анне одеться, и переделалась сама. Сестры вымыли руки и протёрли их спиртом.

Людмила ловко сняла старую повязку, обработала края раны, и попутно объясняя, начала обкалывать её раствором кокаина. Сделав два укола, она передала шприц – теперь попробуй сама!

Анна начала делать инъекцию, и в это время вошёл Александр Васильевич. Увидев, что сестра уже делает блокаду, он подошёл к раковине и стал тщательно мыть руки. Людмила надела на него халат. Хирург подошёл к столу и, внимательно осмотрев рану, удовлетворённо кивнул. Взяв шприц, Александр Васильевич легко потыкал иглой вокруг раны, Счастливчик не отреагировал.

– Зонд, зажим, пинцет, турунду – команды следовали одна за другой. Людмила, стоя у него за спиной, пальцами и глазами подсказывала, что делать. Глядя на врача, Анна поняла, что работа близится к концу.

– Тампон с карболкой – командовал хирург. Она взяла, наугад какой-то из зажимов и, ухватив тампон, обмакнула его в банку с надписью «Carbolic acid», вложила в протянутую руку.

– Сестра! – вдруг раздался резкий окрик: – Мне не удобно вводить в рану тампон корнцангом с прямыми браншами! Извольте подать изогнутый!

– Простите Александр Васильевич! – Анна мгновенно сменила инструмент. Неодобрительно покачав головой, он закончил туалет раны и взглянул на сестру: – Заканчивайте и везите его в палату.

Когда начали разносить обед, Анна, взяв поильник с жиденьким киселём и мисочку с сухариками, сказала Людмиле: – Богуславскому отнесу, он один лежит, ни к чему туда с тележкой ехать.

Сестра кивнула: – Померь температуру и пульс, чтобы потом не бегать.

По сравнению с первым днём после операции, Петр выглядел значительно лучше. Исчез землистый оттенок кожи и на щеках появился лёгкий румянец. Увидев Анну, он радостно улыбнулся и протянул к ней руки.

– Лежите спокойно, больной – строго сказала она и, поставив обед на тумбочку, быстро чмокнула его в щёку.

Отвернувшись, Анна быстро приготовила шприц и, не оборачиваясь, командовала, – Повернись на бок.

Сделав инъекцию, она поставила градусник и села рядом. Понимая, что объяснения не избежать, девушка решила взять инициативу в свои руки.

- Расскажи, как у тебя сложилось? – спросила Анна, погладив его по руке.
- После этого – он замялся – ну…,
- Я поняла, – ободряюще улыбнулась девушка, – продолжай!

Пётр облегчённо вздохнул: – На следующий день я пришёл к Фролу и прождал тебя до вечера. Так продолжалось три дня. На четвёртый я направился к Ефиму Егоровичу в надежде прояснить ситуацию, но ещё больше запутался. Сосед плёл что-то непонятное о том, что к нему пришла полиция, Егорыч пытался повеситься, а Филимона убили. Через день пришла телеграмма от брата. Он приехал в Москву и очень просил о встрече. Я написал тебе письмо и оставил у Фрола, вернее у его матери, со строгим наказом передать тебе и взять адрес. С братом мы встретились на удивление тепло. – Бес попутал – сказал он, и искренне разрыдался. У него хорошо шли дела в Южной Америке. С кофейной плантации в Санта-Катарине он имел хороший доход, а когда стал выращивать рис и гречиху, прибыль выросла вдвое.

- Там очень красиво? – тихо спросила Анна.

– Очень, – серьёзно ответил он. – От его фазенды, так там называют поместье, до Атлантического океана около сорока вёрст. Ты знаешь, я никогда не думал, что океанские берега так разительно отличаются от морского побережья. Когда стоишь на берегу океана, поражает ощущение какой-то космической безграничности, и ты видишь, как дышит земля. Там очень интересно наблюдать за китами, они заплывают туда в брачный период.

Он взял её за руку: – Когда мы с тобой приедем в Бразилию, то обязательно съездим к океану. С началом войны я потерял покой. Брат пытался меня отговорить, но безуспешно. Вернулся в Россию и поступил вольноопределяющимся. За хорошую службу меня произвели в офицеры. Я благодарен этому снаряду, который вернул мне тебя, – он поднёс её руку к губам, – расскажи, как ты оказалась в лазарете.

– Из-за тебя, – коротко ответила Анна, убирая руку. – Вдруг ко-то войдёт – пояснила она: – Если ты помнишь, я с тётей уехала в Ревель³⁵ к сестре, которая неожиданно решила перебраться в Варшаву, где её супруг открыл новое перспективное дело. Мне не хотелось ехать к пшкам и я вернулась на Кубань. Случайно в газете прочла списки раненых и увидела твою фамилию.

Улучшив момент, Анна, переведя разговор на брата, небрежно спросила: – Ты ведь не нищий приехал к брату, твои деньги, наверное, тоже вложили в дело?

Пётр неожиданно покраснел и неловко улыбнулся, – Я приехал к нему как церковная мышь. В последний день, мы решили проститься с родиной и наутро я проснулся с пустым бумажником.

По его лицу Анна поняла, что без женщин там не обошлось, но промолчала. Чтобы скрасить неловкость она сунула руку к нему под мышку и достала градусник.

Дверь открылась, и в палату вошли врачи во главе с Сергеем Викентьевичем. – Что с температурой? – спросил он поздоровавшись.

- 36,8 – ответила Анна, протягивая градусник.

- Прекрасно! – он кивнул головой, – поднимите рубашку.

Слегка помяв живот, Сергей Викентьевич, удовлетворенно произнёс: – Коллеги, я поздравляю вас с прекрасным результатом! Полагаю, сегодня можно уверенно заявить, что кризис миновал, и жизни нашего героя ничего не угрожает. Диету пока будем соблюдать, через дня три добавим протёртые супы и что-нибудь на пару, а завтра, можно вывезти его на прогулку.

Врачи согласно закивали и все вышли из палаты. Анна задержалась, убирая посуду, и когда они остались вдвоем, сказала, – завтра после обеда пойдём гулять.

- Ещё уколы будут?

– Последний завтра, в обед. Перед ужином, опять смерим температуру и, поцеловав его, вышла в коридор.

Екатеринодарь
лѣто 1915 года

Совещание в кабинете Екатеринодарского полицмейстера есаула Михайлопуло³⁶ закончилось около семи часов вечера.

– Господа, все свободны, – произнёс Дмитрий Константинович, устало откинувшись на спинку кресла и взглянув на начальника сыска, добавил: – Господин Колпахчев³⁷, задержитесь, пожалуйста, на пару минут.

Когда они остались вдвоём, полицмейстер вышел из-за стола и сел напротив: – Феофилакт Константинович, мне сегодня звонил начальник жандармского управления, и настоятельно просил передать вам его приглашение. Ему необходимо с вами встретиться.

– Евгений Геркуланович?³⁸ – удивился Колпахчев, – какой интерес может быть у господина Белинского к сыскному отделению? Может быть, в связи с июньскими волнениями рабочих на «Саломасе»³⁹?

– Не думаю, – покачал головой Михайлопуло, – мы там, каким боком? Это их епархия.

– Тогда я в полнейшем недоумении, – развёл руками начальник сыска, – по нашему ведомству не должно быть никаких вопросов. Если вы помните, ещё в марте «Кубанские областные ведомости» отметили наши, как они выразились «поразительные результаты», которые дал запрет на продажу спиртного.

– Конечно, помню – кивнул полицмейстер – я лично давал указание подготовить для них сведения. Если мне не изменяет память, число пьяных сократилось на 80%, а в криминальной хронике всего несколько мелких нарушений общественной тишины и спокойствия.

И в это время зазвонил телефон.

– Михайлопуло у аппарата, – ответил Дмитрий Константинович, – Здравствуйте Евгений Геркуланович.

Многозначительно взглянув на Колпахчева, он показал пальцем на телефон. Начальник сыска понял, что шеф специально для него назвал собеседника по имени, и понимающе наклонил голову.

– Недавно совещание закончилось. С приставами полицейских частей наболевшие вопросы обсуждали. Конечно, был он и сейчас здесь. Вот напротив сидит, интересуется, когда вам удобно его принять.

Вдруг его брови удивленно поднялись: – Да, конечно. Я тоже буду.

Дмитрий Константинович положил трубку: – Заинтриговал господин Белинский! Меня тоже настоятельно просил подъехать.

Они вышли на Красную и с удовольствием вздохнули после душного кабинета. Экипаж уже стоял, ожидая пассажиров.

– Давай на Котляревскую, к жандармскому, – сказал Михайлопуло и, раскрыв портсигар, протянул его Феофилакту Константиновичу.

Пролетка остановилась. – Прибыли, ваше высокоблагородие! – сказал извозчик – прикажете ожидать?

– Да – немного помедлив, сказал полицмейстер, – ожидай здесь.

Полковник Белинский поднявшись из-за стола, вышел навстречу – прошу вас, господа, располагайтесь! Сейчас распоряжусь насчёт чаю.

Когда за адъютантом закрылась дверь, Евгений Геркуланович тяжело вздохнул, – я прекрасно понимаю, что вы удивлены моей настойчивостью, но поверьте, она продиктована служебной необходимостью. Вы помните обстрел Новороссийска в октябре 1914 года?⁴⁰

Михайлопуло и Колпахчев дружно кивнули.

– Так вот, – продолжил Белинский – это была, так сказать, разведка боем. Мы укрепили наши позиции на морском театре военных действий, но для германской разведки Черноморское побережье представляет огромный интерес, в особенности Новороссийск и железнодорожная магистраль.

Начальник КОЖУ помолчал и, побарабанив пальцами по столешнице, продолжил, – в последнее время наблюдается особая активность. Недавно в Новороссийске задержали подозрительного человека. Он сидел в кустах, и под видом художника рисовал прибрежные и морские виды. Задержанный назвался Стефаном Миллером⁴¹. По пути в город ему удалось бежать. Поиски, предпринятые полицией и войсками, оказались безрезультатными. Но солдаты наткнулись на ещё одного «художника», который, спрятавшись за камнями, делал наброски береговой линии. В ходе следствия мы установили, что группа австрогерманских шпионов проникла в Россию для выполнения заданий германского генерального штаба. Я лично выехал в Новороссийск, и нам удалось, – он усмехнулся, – разговорить этого «любителя морских пейзажей». Им оказался некто Томас Глюзеневиц. Румынию они пересекли с немецкими паспортами, но перед границей паспорта были заменены русскими. В Одессе, разбившись на группы и опять получив новые документы, двинулись дальше. Он назвал фамилии членов группы, поставленные задачи и сообщил, что все сведения они должны передать резиденту по кличке Фридрих, который должен прибыть в Новороссийск. . . . , больше ему ничего неизвестно.

Он замолчал, внимательно глядя на гостей. Михайлопуло деликатно кашлянул: – Евгений Геркуланович, всё, что вы рассказали, чрезвычайно интересно, и мы высоко ценим ваше доверие, но хотелось бы знать о наших задачах?

– Вот! – воскликнул Белинский, – мы подошли к самой сути! Для того, чтобы накрыть всю шпионскую сеть, нам необходимо внедрить своего человека. Разведка бошей⁴² охотно идёт на контакт с уголовниками, офицерами и революционерами. Эсеры, эсдеки, коммунисты, октябристы – политическая окраска их не интересует. Но, – Евгений Геркуланович сделал паузу, – у нас нет кандидата соответствующего этим критериям, поэтому, решили обратиться к вам.

– Помимо того, что вы перечислили, этот человек должен быть истинным патриотом России, и предан престолу, – полуутвердительно произнёс Колпахчев.

– Это неперемное условие! – категорично ответил Белинский, – завтра я жду вас в это же время. Если вдруг что-то решите раньше, звоните незамедлительно.

– Занятое занятие, – скаламбурил полицмейстер, усаживаясь в экипаж. – Найти такого человека. У вас есть кто-нибудь на примете?

Колпахчев молча покачал головой. Коляска подъехала к полицейскому управлению. Михайлопуло вышел, протянул Феофилакту Константиновичу руку и обернулся к извозчику, – довезёшь до сыскного, и сразу назад.

– Не беспокойтесь, – сказал Колпахчев – Я, Дмитрий Константинович, с вашего позволения пройду, пешком лучше думается.

– Как вам будет угодно, – улыбнулся Михайлопуло и, кивнув на прощание, толкнул высокую двкерь.

Начальник сыскного не торопясь шёл по Екатерининской, в очередной раз прокручивая в голове разговор с Белинским. Он перебрал всю имевшуюся агентуру, но ни один из них не подходил на предложенную роль ни каким боком. – Надо будет переговорить с заместителем, может у него есть какой-нибудь «карманный агент».

Размышляя, он незаметно подошёл к сыскному. Дверь неожиданно распахнулась навстречу, и на пороге возник круглолицый мужчина с густыми, нафиксатуаренными кончиками усов.

– Господин Пришельцев! – обрадованно воскликнул он, – Александр Петрович! Какими судьбами?

– Кое-какие вещи у знакомых оставили, да и документы детей на перевод в гимназию надо забрать. Почтой, сами знаете, насколько затянется, а учебный год не за горами, – ответил он, крепко пожимая протянутую руку.

– Вы ужинали? – спросил Колпахчев и, получив утвердительный кивок, уверенно произнёс, – тогда прошу в кабинет и по коньячку! У меня к вам масса вопросов!

После второй рюмки, Феофилакт Константинович, вздохнув, произнёс:– «С вашим уходом Александр Петрович в корне уничтожен всякий след сыска!»⁴³

Пришельцев удивленно поднял брови: – Что вы такое говорите, Феофилакт Константинович, совершенно не понимаю!

– Александр Петрович, – он с улыбкой покачал головой. – При сдаче отделения вы ушли, не передавши агентуру.

Пришельцев улыбнулся в ответ: – Но ведь полицейские надзиратели остались! Все агенты состоят у них на связи.

– Я полагаю, что никакой агентуры у них не имеется, по крайней мере, у меня денег на оплату никто не просил!

– Ну, батенька, – Александр Петрович развёл руками. – Если не просят денег, это ещё ни о чём не говорит. Может они рассчитываются другими услугами. К примеру, одному агенту помогли с лечением супруги исключительно на дружеских отношениях с врачом.

– А ваша личная агентура? – вздохнув, спросил Колпахчев, – ведь она осталась для меня неизвестной!

Александр Петрович помолчал – видите ли, Феофилакт Константинович, за время работы у меня с агентами сложились весьма доверительные отношения. Вы же знаете, что они не любят менять кураторов и передачу новому начальнику они восприняли бы как личную обиду, перестав делиться информацией. Скажите, только как на духу! При переводе из Карска, вы передали хоть одного стоящего агента новому начальнику?

Колпахчев рассмеялся, он действительно передал две никому не нужные связи. Одного вечно пьяного водоноса, рассказавшего под большим секретом, что рыночный городской захаживает к вдове аптекаря и сапожника, при каждой встрече жаловался на мздоимство этого же городского.

– Вот видите, – удовлетворённо произнёс Пришельцев – но если вдруг смогу быть вам чем-то полезен, всегда звоните. Я всегда найду возможность связаться с нужными людьми и получить необходимые для вас сведения.

При этих словах в глазах нового начальника мелькнула непонятная искорка. – Одну минуточку Александр Петрович, я предупрежу супругу, что нахожусь в кабинете и распоряжусь насчёт чая, – взглянув на почти опустевшую бутылку, он добавил, – да и насчёт коньяка с бутербродами, пожалуй, тоже.

Пройдя в спальню, он сразу снял телефонную трубку и попросил соединить с квартирой Белинского.

– Евгений Геркуланович, прошу прощения, за столь поздний звонок. У меня в кабинете находится господин Пришельцев, могу ли я попросить его содействия в вопросе, по которому вы нас вызывали?

Получив утвердительный ответ, он взял из буфета коньяк и обернулся к супруге – Мария, приготовь бутерброды и принеси в кабинет. У меня в гостях бывший начальник господин Пришельцев.

Вернувшись, он поставил на стол бутылку и, сев напротив, продолжил: – Видите ли, Александр Петрович, мы сейчас ведём розыск преступников, полагаясь на его величество случай.

– Это как так? – удивлённо качнув головой, спросил Пришельцев.

– Проведём общегородскую облаву по притонам и шалманам, человек 20–30 арестуем, и начинаем опрашивать о вчерашнем времяпрепровождении. Пытаемся уличить их в неправильных показаниях. Эффективность этой методы весьма слабая, но – улыбнувшись, он развел руками, – за неимением гербовой, пишем на простой.

– Попытайтесь привлечь к сыскной работе городских, – посоветовал Александр Петрович – они знают в лицо многих из преступного мира.

– Это было бы очень хорошо, и я уже думал об этом, – вздохнув Феофилакт Константинович, – но их график дежурств не дает возможности использовать их постоянно. Ну да Бог с ним – он разлил коньяк, – я, Александр Петрович, сегодня имел интересную беседу с полковником Белинским, это новый начальник КОЖУ.

– Наслышан, но не имею чести быть знаком лично – улыбнулся Александр Петрович.

– Он переведен в Екатеринодар через четыре месяца после вашего отъезда в Батум. Мы были у него с полицмейстером и получили, вернее я получил, весьма сложное и необычное задание.

Закурив, Колпахчев пересказал разговор в кабинете начальника жандармского управления. Потерев лоб, Пришельцев тоже достал портсигар. Некоторое время он молча выпускал аккуратные колечки дыма и вдруг широко улыбнулся: – Феофилакт Константинович, когда вы сегодня проснулись, господь поцеловал вас в макушку! Я знаю, как вам помочь! Году этак в 1912, если мне не изменяет память, мне довелось косвенно столкнуться с одним преступником, неким Богуславским Петром Алексеевичем. На последнем курсе юнкерского училища он вступился за честь дамы и перед самым выпуском в полк попал на гауптвахту. Брат подделал завещание и оставил его без средств к существованию, удрал в Южную Америку. Один из офицеров втянул молодого парня в аферу с фуражом, за что они были изгнаны из армии. Безденежье вывело на кривую дорожку. Он совершил несколько, – Пришельцев слегка помялся – незначительных преступлений. У брата неожиданно проснулась совесть. Он вернулся в Россию и забрал его с собой. Мы не успели его задержать, да и откровенно говоря, не было особого желания. Парня действительно жаль.

– Вы предлагаете вызвать его из Южной Америки – усмехнулся Колпахчев, разливая коньяк.

– Не торопитесь, *mon cher*⁴⁴ – поднял вверх палец Александр Петрович, – у меня в сыском служил некто Лавр Павлович Ермаков. Прекраснейший агент с великолепной оперативной хваткой и аналитическим умом. С началом войны он подал рапорт на фронт. Мы отговаривали его всем отделением, но скоро поняли, что это бесполезно. Так вот, – продолжил он, закуривая очередную папиросу, – перед новым 1914 годом, я получил от него поздравительное письмо, в котором он сообщил, что на Юго-Западном фронте ему случайно встретился подпоручик Пётр Богуславский, который служил в бригаде тяжелой артиллерии. Лавр Павлович всегда отличался отменной памятью и отлично помнил установочные данные фигуранта. Взяв бутылку спиртного, он познакомился с подпоручиком, и сразу установил, что это именно он!

– Уже проще, – скептически усмехнулся Колпахчев, – вызвать человека с фронта легче, чем из Южной Америки!

– Вы опять торопите события! Недавно я опять от него получил письмо, где он пишет, что навещая в лазарете товарища, в соседней палате увидел Богуславского. А сегодня, гуляя по Екатеринодару, – Александр Петрович сделал лёгкую паузу, – я купил газету со списком раненых воинов прибывших на лечение в Екатеринодар, и среди них артиллерист, подпоручик Петр Алексеевич Богуславский.

От волнения, Колпахчев пролил коньяк на стол: – Я завтра же дам команду узнать, в какой больнице он находится!

– Он находится в лазарете № 17 Кубанского Общества Красного Креста – спокойно сказал Пришельцев и, перехватив недоумённый взгляд, с улыбкой пояснил, – это написано

в газете. Патриот, офицер, с криминальным прошлым. Я полагаю, это именно тот человек, который вам нужен. Если вдруг он откажется от прошлых дел, передайте ему привет от Фрола, это его приятель.

На следующий день, после инъекции, Анна повезла Петра на прогулку. Она медленно катила коляску по песчаным дорожкам, стараясь держаться в тени деревьев. По его просьбе, девушка взяла на кухне краюху хлеба и, остановившись под развесистым дубом, они стали кормить птиц. Голуби вели себя чинно, а воробьи отважно выхватывали хлебные крошки прямо у них из-под носа.

– Посмотрите на птиц, они не сеют, не жнут, а только собирают в житницы. Не заботьтесь о завтрашнем дне, – усмехнулся Петр и приятным баритоном пропел: – «Чего, я не сокол, чего не летаю».

– Ещё летаешь, – ответила Анна – ты выздоравливаешь семимильными шагами.

– К нам, что ли идут? – вдруг сказал Петр, глядя в сторону лазарета.

Анна обернулась – к ним шла Ольга Васильевна в сопровождении двух мужчин в штатском.

– Вот, господа, это и есть подпоручик Богуславский, может быть вам будет удобнее побеседовать в палате?

– Здравствуйте, Пётр Алексеевич, – вежливо произнёс один из них и, поблагодарив старшую сестру, добавил: – Нет, ни к чему, свежий воздух гораздо приятнее, тем более, что мы ненадолго.

– Да, конечно – ответила Ольга Васильевна и, сделав знак Анне, они отошли в сторону.

– Кто это? – тихо спросила девушка.

Ольга Васильевна пожала плечами: – Понятия не имею. Меня вызвал Сергей Викентьевич и поручил сопроводить к Богуславскому. У них приватный разговор. Вы побудьте неподалёку, а когда они закончат, отвезите его в палату.

Анна кивнула и отошла к стоявшей неподалёку скамейке. Наблюдая издали, она поразилась, как изменилось его лицо после первых слов, произнесённых неожиданными посетителями.

– Прежде всего, позвольте представиться, – произнёс один из мужчин, слегка приподняв котелок – ротмистр Журавлёв и мой коллега, поручик Елагин. Он сделал небольшую паузу. – Мы офицеры жандармского управления и прибыли к вам по весьма деликатному делу.

– Если это по прошлым делам, то должны быть из сыскаго отделения – вихрем пронеслось у Петра в голове но, не подав виду, он вежливо представился и предложил, – может быть, мы переместимся к скамейке, мне тяжело смотреть на вас снизу вверх, да и вам, пожалуй, тоже будет удобнее.

Журавлев вежливо улыбнулся, – вы совершенно правы, – и коротко кивнул поручику, который сразу взявшись за ручки, покати коляску к свободной лавочке.

Офицеры достали портсигары. Перехватив его взгляд, Журавлев смущённо произнёс, – я право не знаю, будет ли уместно с моей стороны предложить вам папиросу, поэтому решение оставляю за вами.

Он положил раскрытый портсигар и спички рядом с Петром. Журавлёв переглянулся с поручиком. – Пётр Алексеевич, я не буду справляться о вашем самочувствии, так как получил от начальника лазарета всю необходимую информацию. Позвольте начать с главного. Готовы ли вы служить России, в качестве нашего агента?

Увидев искреннее недоумение в его глазах, он поспешно добавил, – это исключительно разовое поручение, направленное на выявление германского шпиона. По некоторым причинам, которые я назову, при вашем согласии, вы единственная подходящая кандидатура.

– Я готов, – просто ответил Пётр – только не помешает ли моё теперешнее состояние, и неужели у вас нет более достойной кандидатуры для выполнения столь ответственного задания?

Журавлёв улыбнулся, – я понимаю, что согласие получено? – и, увидев утвердительный кивок, продолжил: – Теперь обо всём по порядку. Относительно здоровья – вам не придётся стрелять и драться, от вас потребуются ваши умственные способности и некоторые специфические знания.

– Как офицера-артиллериста?

– Нет – он пристально взглянул на Пётра – как человека, хорошо знакомого с преступным миром, в котором враг никогда не заподозрит офицера русской армии.

Пётр дёрнулся как от удара: – Откуда вам это известно?

– Мы очень долго искали человека для выполнения этого задания, вы подходите идеально, – уклончиво ответил ротмистр, – хочу вас заверить, что в случае отказа, никаких преследований в отношении вас не последует. После лечения, вы будете вольны вернуться в действующую армию либо, комиссовавшись по тяжёлому ранению, вернуться в Бразилию. В любом случае, Россия будет вам благодарна, за проявленный героизм.

Немного помолчав, Пётр взял папиросу и смял мундштук. Елагин поднёс зажжённую спичку: – Если вы давно не курили, не затягивайтесь глубоко – посоветовал он.

Рассеянно кивнув, Пётр сказал, – если вы скажете, что меня после выполнения задания, отправят строить Амурскую железную дорогу, я всё равно его выполню, потому что, как вы правильно изволили заметить, я русский офицер, а всё остальное..., – он усмехнулся, – вторично.

– Значит, он согласился, – удовлетворенно произнёс начальник КОЖУ – это очень хорошо. Осталось проработать легенду, у вас есть предложения, Иван Афанасьевич?

Журавлев кивнул и раскрыл тоненькую коленкоровую папку: – Около четырёх месяцев назад, с Акатуйского серебряного рудника, совершил побег ссыльнокаторжный некто Арсеньев Пётр Самойлович, по кличке – Сарыч⁴⁵. Три месяца назад останки были обнаружены в тайге охотниками. Осмотр показал, что его задрал медведь. Тело, точнее то, что от него осталось, было опознано старшим надзирателем и командиром конвойной команды, по нательному кресту характерной формы и подписанному котелку.

– За что он был осужден? – спросил Белинский.

– Он, Евгений Геркуланович, осужден за вооружённый грабёж. По непроверенной информации, это был замаскированный под уголовное преступление. Экс⁴⁶, совершённый в Саранске четыре года назад. Я связался с тамошними коллегами и, они сообщили, что Арсеньев якшался с эсерами и с социал-демократами. На каторге тесно сошёлся с анархистами и глубоко проникся их идеями. На мой запрос из Акатуйского рудника сообщили интересную деталь. Осведомитель указал, что Арсеньев рассказывал о том, что Парвус⁴⁷ предложил Берлину за деньги организовать восстание в России.

– Вот тебе раз! – удивлённо воскликнул Белинский – ведь это свежая информация! Откуда она у него?

– Полагаю, от друзей-анархистов.

– А у них? Неужели они имеют сношения с внешним миром?

– Это вопрос уже к их начальству, – спокойно ответил Журавлёв, – для нас важны следующие моменты. Во-первых мы точно знаем что Арсеньев погиб, во вторых, он уголовник с политической окраской – лакомый кусок для германской разведки. В третьих, – из четырёх участников экса двое отбывают наказание на Сахалине, третий умер в прошлом году от чахотки, и четвёртый – Арсеньев, тоже покинул мир иной. И в четвёртых – Саранск, город со

слабой политической активностью, который находится за тысячу вёрст, так что вероятность встретить людей знающих Арсеньева лично, ничтожно мала. И ещё, – он скупой улыбнулся, – у них совпадают имена, что тоже весьма удобно для непрофессионала.

Полковник Белинский покачал головой – да, действительно, каждое лыко в строку. Он обернулся к Елагину: – Вы связались с Новороссийском? Что докладывает Мальдонатов⁴⁸ о предпринятых им мерах?

– Так точно, ваше высокоблагородие – поручик встал, но Белинский остановил его взмахом руки, – сидите, Павел Андреевич!

– В рамках поиска сбежавшего шпиона Новороссийским отделением предприняты следующие меры: взяты под наблюдение немецкие подданные, для чего в общество Римско-католического вероисповедания под видом рабочего внедрено доверенное лицо и отобрана подписка о сотрудничестве у помощника адвоката Зильберминца, российского подданного Берхарда Шнайдера.

– На чём его скомпрометировали? – спросил Евгений Геркуланович.

Павел Андреевич, смущённо улыбнулся, – на адюльтере с дочерью адвоката, у которого он служит.

– Сильный крючок, – кивнул он – будет служить не за страх, а за совесть.

– Безусловно, – кивнул Елагин – тем более, что он женат на двоюродной сестре своего патрона, и устроен к нему по её протекции. На особый контроль, ввиду политической неблагонадёжности, взята семья немецких подданных, прибывших из Германской Силезии, Фридриха и Марии Добровских, подозреваемых в шпионаже. Сейчас они по нашему указанию плотно разрабатывают Кондырина.

– Напомните поподробней – попросил Евгений Геркуланович.

Елагин кивнул – Кондырин Леонид Александрович, рядовой четвёртой роты 229 пехей Донской дружины. Поручено установить круг знакомств. Проверить по месту призыва, фактическое семейное положение. Подозревается в связях с германской и австрийской разведкой. Установлено секретное наблюдение за поступающей на его имя корреспонденцией. Особое внимание предписано обратить на харьковского адресата по имени Алексей.

– Почему Харьков и Алексей?

– Он призывался из Либавы, а все письма приходят из Харькова, от Алексея. Тексты не отличаются оригинальностью. Все о погоде, ценах и ни слова о семье или общих знакомых. Письма написаны очень грамотно, но в подчёрке явно прослеживаются тенденции к написанию готических букв.

– Да – покачал головой Белинский, – весьма интересный субъект.

– Может быть, он и есть резидент? – нерешительно спросил Власов.

– Нет – ответил начальник – резидент должен иметь возможность встречаться со связником и наоборот. Ему необходима свобода передвижения, а солдата всегда могут назначить в караул, отрядить на кухню или не отпустить в увольнение. Нет, – уверенно повторил он – Кондырин не резидент. Давайте вернемся к Богуславскому.

– Что они от тебя хотели? – спросила Анна, толкая коляску к центральному входу лазарета.

Пётр, немного помолчав, произнёс: – Ты знаешь, я сам, честно говоря, не особенно понял.

– Не лукавь – строго сказала Анна, закатывая его в палату, – если не можешь или не хочешь говорить, лучше промолчи. А сейчас ложись и готовься к уколу.

Анна знала, что видит его в последний раз. Сейчас она выйдет, пройдёт по Посполитанской и на Екатерининской, сев на трамвай, доедет до вокзала. Через полчаса войдёт в кладбищенские ворота, присядет у знакомой могилки и вернётся в свой мир, где всё знакомо и привычно.

– Вот и всё, милый, я тебя спасла. Больше мы не увидимся. Теперь ты будешь жить долго и счастливо. После такого ранения ты получишь белый билет, «Георгия», которым вы фронтовики по праву гордитесь, и уедешь в Бразилию, где много диких обезьян. Какая-нибудь мулатка или креолка нарожает тебе кучу очаровательных детей. От тебя будут очень красивые дети – грустно подумала она, – если у тебя будет дочь, интересно, назовёшь ли ты её Екатериной или Анной?

Сделав инъекцию, она принесла ему ужин. Когда Пётр поел, Анна крепко поцеловала его в губы и дрогнувшим голосом сказала, – отдыхай родной, завтра я приду к завтраку.

Резко повернувшись, девушка направилась к двери, как вдруг он произнёс, – Анна подожди...

– Не останавливайся, дура! – противно взвизгнул в голове голос, но Анна, не слушая его, обернулась, успев вытереть глаза.

– Это были офицеры жандармского управления! Они попросили меня помочь найти германского шпиона.

Анна растерянно опустилась на койку: – Господи, Петя! Ты же только оправился после операции. Какой из тебя – она чуть не брякнула Штирлиц, но вовремя осеклась, – разведчик!

– Не думай о секундах свысока! – издевательски пропел голос и замолчал.

– Я офицер, – он пожал плечами: – Мне надлежит быть там, где этого требуют интересы Отчизны.

Анна поразились тому, как это было сказано. Похожие слова она неоднократно слышала по телевизору. Их произносили напыщенно, имитируя на сцене строевую выправку и изображая из себя людей, готовых по первому зову ринуться в бой. У Петра это прозвучало настолько буднично, как будто он сообщил, что идет на рынок, но в его словах была такая внутренняя сила, что у неё защемило в груди, а Петя вдруг стал расплываться.

Она пришла в себя и вытерла слёзы. Вернее вытер их Петр, стоя рядом и бережно прижимая её к груди.

– Я хочу, чтобы ты меня проводила, – сказал он, ласково целуя мокрое от слёз лицо, – мне так будет легче.

Вернувшись домой, Анна приняла душ и, сварив кофе, стала размышлять: – Эмоции остались в далёком прошлом, и Пётр тоже, – твёрдо сказала она себе и немного помедлив, добавила: – Я провожу его и сразу вернусь в Краснодар. Главное, что он уедет со спокойной душой.

Приняв решение и допив кофе, она позвонила родителям и попросила поддержать Арчика ещё пару дней. Затем набрала Костю. Он снял трубку не сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.